

УИЛЬЯМ
ГОЛДИНГ

Воришка Мартин
Бог-скорпион

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Уильям Голдинг

**Воришка Мартин. Бог-
скорпион (сборник)**

«Издательство АСТ»

1956, 1971

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Голдинг У.

Воришка Мартин. Бог-скорпион (сборник) / У. Голдинг —
«Издательство АСТ», 1956, 1971 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113054-1

«Воришка Мартин» – третий роман Уильяма Голдинга, с первыми двумя объединенный темой выживания, обреченности, одиночества человека в меняющемся мире, которую автор раскрывает через историю лейтенанта Кристофера Мартина, выброшенного на одинокий остров после крушения торпедоносца. «Бог-скорпион» – три новеллы, составляющие своеобразный исторический цикл. Действие разворачивается сначала в Древнем Египте, затем в первобытной Африке и, наконец, в Древнем Риме. Описывая быт и нравы давно ушедших эпох, Голдинг, то иронизируя, то отсылая читателей к интеллектуальной фантастике, то обращаясь к форме притчи, пытается ответить на сложные философские вопросы бытия.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113054-1

© Голдинг У., 1956, 1971

© Издательство АСТ, 1956, 1971

Содержание

Воришка Мартин	6
1	6
2	13
3	19
4	22
5	31
6	36
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Уильям Голдинг
Воришка Мартин
Бог-скорпион

© William Gerald Golding, 1956, 1971

© Перевод. А. Круглов, 2016

© Перевод. В. Минушин, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Воришка Мартин

1

Он отбивался руками и ногами, сжавшись внутри извивающегося тела. Не было ни верха, ни низа, ни воздуха, ни света. Рот раскрылся в беззвучном крике:

– Помо...

Из глотки вырвался воздух, на его место хлынула вода, обжигающая, режущая, как обломки гранита. Тело устремилось вслед за воздухом, встретив лишь удушливую бурлящую тьму. Мозг затопила паника, в разинутый до боли рот безжалостно вторгалась соленая стихия, с силой прорываясь внутрь. Вместе с водой проникло и немного воздуха – новый рывок... но волна подхватила тело и завертела, не дав угадать направление. В ушах стоял рев турбин, перед глазами, как трассирующие пули, мелькали зеленые искры, в голове стучали тяжелые поршни, заставляя весь мир содрогаться. Леденящая маска внезапно облепила лицо, челюсти жадно задвигались – воздух! Перемешанный с водой, он наполнял тело, царапая легкие, как острый гравий. Мышцы, нервы, измученные легкие и поршневая машина в голове на миг заработали по-старому. Твердый соленый комок выплеснулся из глотки, губы сомкнулись и разомкнулись, язык шевельнулся во рту. В мозгу вспыхнула ослепительная неоновая полоса.

– Спа...

Затаившись в центре всей этой суеты, отделенный от собственного тела, человек не обращал внимания на мельтешение зеленых вспышек. Будь он в состоянии управлять лицом... нет, будь на свете лицо, способное отразить ощущения человека, подвешенного между жизнью и смертью, оно ощерилось бы в злобном оскале, в то время как настоящий рот, далекий и широко разинутый в судороге, был заполнен водой. Неоновый трассирующий след вращался, расплываясь в широкий диск. Тело судорожно изрыгало воду и захлебывалось ею вновь, но жесткие комки уже не причиняли боли – ощерившееся живое существо смотрело со стороны. Лица не было, был оскал.

Мелькающие пятна слились в картинку. Он вгляделся. Такого ему не приходилось видеть уже много лет, и оскал слегка смягчился, тронутый любопытством. Стол, на нем банка из-под джема, ярко освещенная – то ли огромная, в центре сцены, то ли маленькая, перед самыми глазами. Изолированный мирок, которым тем не менее можно управлять со стороны. Прозрачная вода почти до краев, и в ней крошечная стеклянная фигурка, стоящая вертикально. Вместо крышки натянута тонкая пленка из белой резины. Он с интересом рассматривал банку, далекое тело перестало метаться и успокоилось.

Самым любопытным было тонкое равновесие сил, под действием которых находилась подвешенная фигурка. Тронь пальцем пленку, и сжавшийся воздух сильнее надавит на воду. Столбик воды чуть подымется в тонкой трубочке, торчащей из стеклянного тела, и игрушечный человечек станет тяжелее. Он полностью в твоей власти, под твоим пальцем. Скажешь тихонько: «Тони!» – и он опустится ниже, ниже, до самого дна. Можно пожалеть его, ослабить давление, дать побарахтаться на поверхности, глотнуть воздуха, а затем снова утопить – медленно, беспощадно, навсегда.

По существу, плавающая фигурка ничем не отличалась от тела, барахтавшегося в воде. Вверх или вниз – то же самое опасное равновесие. Оскал без лица не произносил слов, осознание пришло в виде яркой вспышки.

Спасательный пояс!

Резиновый мешок опоясывал тело под мышками, тесемки обвивали плечи и застегивались на груди под бушлатом и клеенчатым плащом – теперь их давление даже чувствовалось. Пояс, как и предписывалось, был почти полностью сдут, чтобы не лопнуть при ударе о воду.

«Отплыть подальше от корабля, потом надуть пояс».

Вслед за осознанием хлынул поток образов: лакированная доска с вывешенными инструкциями, вид спасательного пояса с трубкой и металлическим наконечником. Внезапно человек понял, кто он и где находится. Тело болталось в воде, подвешенное наподобие стеклянной фигурки. Безвольно обмякшее, оно уже не барахталось. Через голову одна за другой перекатывались волны.

Рот захлестнуло водой, дыхание прервалось. Зеленые вспышки вновь прочертили тьму. Что-то тянуло вниз. Оскал вернулся, а с ним картинка: тяжелые морские сапоги. Ноги заерзали, пытаясь освободиться, но безуспешно. Оставались еще руки, далекие, но пригодные для дела. Он закрыл рот и, скорчившись в воде, занялся опасной акробатикой. Снова замелькали неоновые трассы, глухо колотилось сердце – единственная точка опоры в бесформенном хаосе. Он подтянул ногу кверху, из последних сил дернул непослушными руками сапог, стряхнул его. Резиновое голенище скользнуло по ступне, тяжесть исчезла. Теперь другой. Наконец тело распрямилось и снова повисло, расслабленно качаясь на волнах.

Рот размеренно открывался и закрывался, глотая воздух и не пропуская воду. Тело тоже работало исправно, время от времени сжимая желудок в тугий узел и выталкивая наружу по языку поток морской воды. Животная паника прошла, но появился страх перед смертью, долгой и одинокой. Оскал теперь обрел лицо и воздух для тела, самим своим присутствием не позволяя тратить драгоценное дыхание на звуки. Была и некая цель, но пока не хватало ни времени, ни опыта, чтобы осознать ее важность и неколебимость.

Обычная схема дыхания не работала, вдыхать приходилось в промежутках между погружениями. Думать удавалось тоже урывками, одновременно с порциями воздуха. Опять вспомнились руки, которые оказались где-то далеко, в темноте. Подтянувшись ближе, они стали шарить по жесткой поверхности плаща. Одолевая боль, негнущиеся пальцы расстегнули пуговицу и скинули петлю с деревянной застежки. Океан безразлично покачивал тело, словно стеклянного человечка или подтопленное бревно. Волна, глоток воздуха. Еще волна, еще глоток.

Руки вытянули трубку, ощущая дряблую сдутую резину, почти не державшую тело на плаву. Зубы сжали наконечник, два пальца принялись его откручивать, остальные зажимали трубку. Крошечная порция воздуха, отвоєванная у волн, досталась не изголодавшимся легким, а резиновому мешку. Еще, и еще... Сердце трепыхалось в груди, как подстреленное, зеленые пунктиры мелькали и вращались. Пояс становился тверже, но так медленно, что момент спасительной перемены оказалось невозможно уловить. Волны уже перекатывались через плечи, регулярные погружения с головой сменились брызгами и мокрыми шлепками в лицо, воздух больше не приходилось добывать с боем. Наконец пояс надулся, охватив грудь плотным кольцом и растягивая одежду. Однако человек еще некоторое время играл с воздухом, выпуская немного наружу и снова вдувая в трубку, словно боялся прекратить единственное доступное пока спасительное действие. Голова и плечи теперь надолго высывались из воды и мерзли сильнее, чем все остальное тело. Закоченевшее на ветру тело охватила дрожь.

Рот оторвался от трубки.

– Эй! На помощь!

Воздух с шипением вырвался из металлического наконечника, пришлось немало потрудиться, чтобы завинтить его. Тьма стояла непроницаемой завесой, не давая разглядеть даже руку, поднесенную к лицу. Страх смерти в одиночестве дополнился ужасом перед слепотой. Тело забарахталось, неловко загребая руками.

– Помогите! Эй, кто-нибудь! На помощь!

Вокруг – лишь шорох и плеск набегавших волн. Тело обмякло, голова бессильно свесилась, соленая вода омывала дрожащие губы.

Важно сохранять движение.

Он принялся слабо перебирать ногами, еле слышно бормоча:

– И зачем только я скинул сапоги, стало ничуть не лучше... – Голова снова упала на грудь. – Холодно... Только бы не переохладиться. Будь на мне сапоги, я бы их снял, потом надел, потом опять снял...

Перед глазами возник корабль, опускающийся ко дну, до которого здесь, наверное, не меньше мили. Тело судорожно сжалось, будто сдавленное невероятной толщей воды. Зубы сомкнулись с дробным стуком, лицо болезненно скривилось. Ноги инстинктивно подобрались, спасаясь от зыбкой вязкой бездны.

– Помогите!

Руки задвигались, разворачивая тело, но насколько это удалось, судить было трудно. Всюду темнота, сплошная, непроглядная. Ни тонущего судна, ни обломков, ни других уцелевших – одна лишь черная стена, подступившая вплотную к глазам, и в ней ровный плеск воды.

– Нат! Натаниэль! Бога ради! Есть тут кто живой?

Голос замер, судорожная гримаса разгладилась.

Тело безвольно обвисло на спасательном поясе, отдавшись во власть набегавших волн. Зубы вновь застучали, дрожь накатывала приступами. Ноги едва чувствовали холод, безжалостно зажатые в тиски водой, которая стремилась раздавить, расплющить их. Ноющие руки не находили себе места. Внезапная боль пронзила затылок, не давая поднять голову. Нос со всхлипом втянул воду, она хлынула в глотку, вызвав новый приступ рвоты. Кулаки, втиснутые между спасательным поясом и подбородком, принесли облегчение, но ненадолго. Руки ушли вниз, лицо снова погрузилось в воду. Превозмогая боль, человек с усилием запрокинул голову, уставив закрытые глаза в невидимое небо. Ноги уже не так сдавливали – окаменевшая плоть, казалось, потеряла всякую чувствительность, однако те части тела, которые море еще не полностью подчинило, продолжали судорожно трястись. Вечность срослась с болью и подступила совсем близко, осязаемо. Оскал оставался на месте, мысли продолжали приходить, бессвязные, неповоротливые, но жизненно важные.

Скоро наступит рассвет.

Двигаться, иначе не заметят.

Скоро рассвет, станет видно обломки.

Я не умру.

Я не могу умереть.

Только не я... не может быть...

Он отчаянно рванулся вверх, задыхаясь и отплеываясь.

– Помогите! Эй, кто-нибудь, на помощь!

Тело приподнялось на волне и плавно опустилось.

Окажись я внизу, добрался бы до шлюпки или плота. Не повезло, проклятая вахта... смыло к чертям, прямо с мостика. Рулевой должен был взять вправо, если услышал приказ. Корабль затонул или перевернулся, теперь все барахтаются где-то там, в темноте, подбадривают друг друга, головы торчат из воды среди остатков кораблекрушения и пятен мазута. Когда рассветет, я найду их, найду, черт побери, иначе всех подберут, а я останусь болтаться вверх-вниз, как дурацкая подвесная койка... Проклятие!

– Эй! На помощь! Натаниэль!

Все было сделано правильно. Отдай я команду десятью секундами раньше, ходил бы в героях... Право руля, мать вашу!

Влепили под самый мостик... Я отдал верный приказ – и полетел за борт, вот невезуха!

Оскал напрягся, заворочал одеревеневшим лицом, верхняя губа приподнялась, обнажив стучащие зубы. Однако вспыхнувший гнев вернул малую толику тепла, кровь прилиwała к щекам, ожившие веки раскрылись.

Тело снова забарахталось, расплескивая воду, взгляд устремился вверх. В непроглядной темноте что-то изменилось, появились какие-то пятна и разводы, они стояли прямо перед глазами, давили, как сама тьма. Скорчившись внутри черепа, он стал вглядываться из-под надбровных дуг, возвращая власть над зрением и неясно угадывая очертания островков мутного света и тумана. Глаза моргали и шурились, но расплывчатые формы оставались снаружи. Наклонив голову, удалось различить движущиеся гребешки волн. Их изрезанная линия, едва заметная, как остаточное изображение на сетчатке глаза, на миг показалась на фоне неба, но тут же исчезла за черным брюхом следующей волны, подхватившей тело. Светлые пятна рук тускло мерцали, отталкиваясь от воды, ноги стряхивали свинцовое оцепенение. В голове вновь замелькали мысли.

Мы шли на северо-восток. Я отдал команду. Если корабль начал разворот, он должен быть где-то к востоку. Ветер дул с запада, значит, восток там, куда катятся валы.

Барахтанье тела стало яростнее, дыхание участилось. Подвешенный на спасательном поясе, он поплыл неуклюжим брассом, затем остановился, качаясь на волнах. Стиснув зубы, отвинтил колпачок и выпустил часть воздуха, чтобы погрузиться глубже, и вновь поплыл, с трудом переводя дыхание и до боли вглядываясь в спины убежавших к востоку валов. Постепенно движения замедлились, руки бессильно упали, но сознание, затаившееся в темной глубине черепа, продолжало отдавать команды еще долго после того, как тело неподвижно обвисло в воде.

Небо приобретало более четкие очертания, сумрачно-серые тона разбавляли тьму, на поверхности моря обозначились отдельные бугры и впадины. Мозг все еще пытался заставить конечности двигаться, но его наводнили картинки: они мешали, заслоняли собой неотступную необходимость плыть на восток. Перед глазами снова возникла стеклянная банка, но теперь она ничего не значила. Отражение чьей-то белозубой улыбки в полированной крышке стола, короткий обмен фразами. Вереница масок, вывешенных на просушку...

Спокойный голос из-за зубов, отраженных гладкой поверхностью: «Какая, вы думаете, подойдет Кристоферу?»

Крышка нактоуза с тусклой подсветкой компаса и крик, повисший между небом и землей в неоновых вспышках: «Право руля, мать вашу!»

Вода плеснула в рот, толчком пробудив сознание. Из глотки вырвался болезненный хрип. Серо-зеленый рассвет неумолимо надвигался. Над гигантскими валами, такими теперь привычными, поднимался пар. С высоты гребня в мутной дымке были видны еще две таких же громадных волны, а дальше – лишь круговая завеса то ли тумана, то ли моросящего дождя. Руки вновь работали, голова поворачивалась вслед за телом, глаза всматривались, пытаясь определить направление волн. Последний источник тепла, упрятанный глубоко внутри, захлебывался и угасал, как едва тлеющий огонек костра среди сырых дров.

Не хочу умирать! Нет!

Из плотного тумана появлялась волна, нависала над головой, поднимая тело ввысь, потом опускала, уходила прочь, и с высоты следующего вала было видно, как она тает в серо-зеленой мороси. Подъем, спуск – и новый гребень зловеще вздымался над головой.

Бледные ладони молотили по воде, рот сыпал проклятиями, но звуки терялись в мерном шорохе бегущих валов. Тело висело в спасательном круге, холод обшаривал его ледяными пальцами. Голова упала на грудь, лицо вялым нескончаемым потоком омывала соленая вода.

Думай, это последняя возможность. Думай, что делать.

Середина Атлантики, до ближайшей земли сотни миль. Одинокий корабль послали к северо-востоку от конвоя – подать сигнал, нарушить радиомолчание. Немецкая подлодка,

должно быть, рыщет неподалеку от затонувшего судна, чтобы допросить уцелевших, или поджидает возможных спасателей. Вот-вот из воды покажется ее тяжелый корпус, словно скала, обнажившаяся с отливом. Перископ рассекает воду – глаз земной твари, сумевшей нарушить вечный ритм катящихся волн. Может, как раз в эту минуту ее акулья тень скользит там внизу, под одеревеневшими ногами, или покоится на ложе из соленой воды, пока команда отдыхает. А уцелевшие – на плоту, вельботе, шлюпке или просто на бревне, – наверное, они совсем рядом, скрытые туманом и соседним гребнем... с запасом тушенки, а может, и глоточком чего-нибудь покрепче.

Он снова стал поворачиваться в воде, подслеповато щурясь в липком тумане. Небо висело над головой, как низкий потолок. Вокруг ничего – ни обломков, ни человеческих голов. Корабль исчез бесследно, казалось, чья-то рука дотянулась до него и уволокла на милю вниз, на самое дно. На целую милю... Тело вновь отчаянно забарахталось, лицо исказила гримаса.

– Помогите! Эй, вы! Гады, сволочи, мать вашу... Эй!

Тело сотрясалось в рыданиях, холод стискивал его, как та рука, что уволокла корабль. Рыдания утихли, сменившись икотой. Голова снова завертелась в серо-зеленой дымке, шаря глазами по сторонам.

Одна сторона круговой завесы была светлее, – и туда катились валы, исчезая чуть левее источника света. Слой тумана, залитый сиянием, был так же непроницаем, как и хмарь за спиной, но притягивал к себе, разрывая мертвую однородность пространства, и к тому же казался чуточку теплее. Руки задвигались, инстинктивно стремясь приблизить тело к источнику света, ставшему путеводным знаком. Освещенная дымка морского тумана казалась твердой, как стена. Свет пронизывал бегущие гребни волн, делая их зелеными и прозрачными, как бутылочное стекло, но внутри не было ничего: ни водорослей, ни песка, ни плавающих предметов – одна лишь вода, холодная, зеленая, бессмысленная вода. Ну и, конечно, две руки, два черных рукава плаща, да еще хриплые вдохи и выдохи, которые смешивались с шумом бессмысленной стихии. Волны шептались, догоняя друг друга, со звонким журчанием прокатывались возле уха, словно миниатюрный прибой на песчаном пляже. Шипение, внезапные всплески, рокот, обрывки непонятных слов, мягкий шорох ветра...

На светлой стороне круга руки приобрели важность, но ухватиться здесь было не за что – вниз, в бесконечность, уходила вязкая, холодная пропасть. Одеревеневшие колени прижались к животу, словно это могло спасти их от власти страшной бездны. Взрыв над пучиной на гребне очередного вала, тело распрямилось, спина выгнулась, рот глотнул воздуха, широко раскрылся, готовясь что-то выкрикнуть навстречу свету... и застыл. Челюсти сомкнулись, зубы щелкнули, а руки принялись лихорадочно месить воду, прокладывая путь вперед.

– Эй, кто-нибудь! Человек за бортом! Во имя милосердия! Справа по курсу!

Он попытался плыть быстрее, неловко выбрасывая руки и отворачиваясь от волн, перехлестывавших через голову. Рывком высунулся по грудь.

– Человек за бортом! На помощь!

Морская пучина тянула вниз, он отчаянно боролся, фыркая и отряхивая воду. Огонь внутри вспыхнул ярче, сердце усердно разгоняло по всему телу застоявшуюся кровь.

Там, слева от пятна, корабль! Он движется навстречу, повернувшись правым бортом... или – от этой мысли изо рта брызнула яростная пена, – уходит прочь, показывая корму. Впрочем, даже в неистовстве погони легко понять, что последнее невозможно, ведь тогда они должны были только что разминуться. Значит, судно идет навстречу, и рано или поздно его нос прорежет завесу тумана в нескольких ярдах впереди.

А может, корабль не движется?

Обессиленные руки опустились, тело расслабилось и закачалось на волнах. Далекий силуэт казался всего лишь сгустком тумана, не позволяя определить ни размеров, ни расстоя-

ния, однако был виден даже из провала между океанскими валами. Тело вновь забарахталось, медленно продвигаясь вперед и взмывая на гребнях волн, что мерно набегали одна за другой.

– Помогите! Эй, на борту!

Что это за судно, так странно скособоченное? Авианосец, старый, брошенный, готовый вот-вот затонуть? Такой давно бы уже пустили на дно торпедным залпом. Океанский лайнер? Тогда, наверное, из самых больших... но почему он так накренился? Солнечные лучи лишь освещали завесу тумана, не в силах пронизать ее, и в плотной сияющей дымке маячило что-то, не похожее на корабль, хотя ничего, кроме корабля, там быть не могло.

Тело отчаянно рванулось вперед, но первое яростное возбуждение выжгло весь запас топлива, и огонь внутри снова едва тлел. Руки с усилием раздвигали воду, из темных сводов черепа взгляд жадно устремлялся к желанной цели, словно приближая ее. Силуэт впереди сдвигался, рос, но отчетливей не становился. Время от времени у подножия его мелькало что-то вроде волн, поднятых носом корабля... Взгляд постепенно угас, остались лишь упорно работающие руки и крики о помощи, которые отнимали последние остатки сил. Вокруг вздымалась зеленая стихия, готовая погасить тлеющий огонек, над головой клубился слепящий туман, глаза застилала багровая тьма. Тело бессильно обвисло. Темный силуэт высился впереди; сквозь хрип и тяжелые удары сердца слышался звук разбивающихся волн.

Голова с трудом поднялась, глаза напряглись.

На фоне неба торчала скала, над ней парила чайка. Волны у подножия вздымались и падали, выбрасывая вверх пенные брызги, а затем исчезали, словно проглоченные невидимой пастью. Сознание представило мерно работающие руки, но они отказывались повиноваться. Очередная волна перехлестнула через голову и покатила к рифу, гребень ее был тупым, непривычно сглаженным. В воздух взметнулся фонтан пены. Глаза, погрузившиеся в воду, на этот раз разглядели в зеленой пустоте желтые и бурые пятна, а монотонный шорох океанских валов сменился глухим рокотом. В странном ревуем мире мелькали странные мохнатые тени, смутные причудливые очертания камней и водорослей. Бурая плеть хлестнула по щеке, и тут же страшный удар сотряс все тело. Колени уперлись в твердь, руки жадно вцепились в столь неожиданно обретенную опору. Разинутый рот застыл в изумлении, глаза пристально разглядели трех моллюсков – морские блюдечки, одно большое и два поменьше, – что прилепились к скале перед самым лицом. Твердь наводила ужас, означая конец привычного существования в изменчивой водной стихии. Совсем не похожая на трепещущую, живую плоть корабля, твердь источала безжалостность, рождая в душе панику. Здесь, на пути тысячемильного потока, бесцельно катящегося вдаль, внезапное появление непонятной опоры ввергало мир в войну.

Волна подхватила, оторвала от камней и раковин, перевернула и бросила назад, в темноту. Цепкие плети дернули за ноги, соскользнули и отпустили. В глазах снова вспыхнул свет, рот наполнился морской пеной. Мелькнула расколота поверхность скалы, огороженная белоснежными фонтанами брызг, и зрелище неприступной тверди, внезапно выросшей посреди Атлантики, словно дикий зверь, выскочивший из кустов, исторгло из глотки вопль ужаса, который забрал весь воздух. Волна захлестнула с головой, погрузила в привычную зеленую тишину, затем подняла и поволокла в сторону. Бешеная пляска прекратилась, море больше не играло со своей добычей, сжимая ее мягко и бережно, как охотничья собака подстреленную птицу. Ноги зацепились за твердое, раз, другой. Осторожно опустив тело, вода отступила, щека уткнулась в камень. Море вернулось, ласково лизнуло в лицо. Сознание побуждало двигаться, но руки не подчинялись. Волна снова приподняла тело, приняв на себя большую часть веса, и на этот раз нужные движения получились, позволив продвинуться чуть вперед. Новая волна, еще один слабый рывок. Море ткнулось носом в ноги и уютно примостилось под мышкой, не доставая больше до лица. Перед темными провалами черепа стояла какая-то картинка, она заполняла все поле зрения, но никакого смысла в ней не было.

Волна под рукой шевельнулась, устраиваясь поудобнее.

Тело лежало неподвижно.

2

Картинка, белая с черным, но белого больше. Точнее, две картинки, наложенные друг на друга, для каждого глаза своя. Контуры еле заметно смещались, слышался слабый шум. Тело по-прежнему не двигалось, мыслей не было, но что-то твердое под щекой все настойчивее напоминало о себе: давило, жгло без тепла, пока, наконец, в одной точке не сконцентрировалась боль, настойчивая и ноющая, как гнилой зуб. Боль возвращала сознанию цельность, помогая прийти в себя.

Однако первым признаком жизни были не чернобелые пятна, не боль, а все-таки шум. Здесь море обращалось с телом бережно, вело себя тихо, но где-то там, вдалеке, продолжало реветь, метаться и рушиться, а ветер, получив более серьезного противника, чем послушная вода, всю свистел в скалах, порывами проникая в расщелины. Вся эта разноголосица сливалась в единую речь, которая врывается в глухую тьму под сводами черепа и убеждала, что голова реально существует где-то, в каком-то месте. Пронзительный крик чайки пробился сквозь рокот ветра и воды, возвестив бредущему на ощупь рассудку: где бы ты ни был, ты есть.

Осознание пришло внезапно: он в самом деле существовал – терзаемый болью, но в тесном единении с твердью, которая удерживала на себе распростертое тело. Вспомнив, как пользоваться глазами, он совместил две оси зрения, так что обе картинки смешались, придав изображению объем. В щеку впечаталась прибрежная галька, обкатанный белый кварц, напоминавший формой мелкий картофель. Белизну оттеняли желтые пятна и темные вкрапления. Дальше белело что-то еще. Взгляд безучастно скользнул по обескровленным складкам ладони, посиневшим ногтям, сморщенным подушечкам пальцев. Линия руки под плащом, контур плеча. Повернувшись в неподвижной голове, глаза вновь обратились к гальке и принялись праздно разглядывать ее, словно ожидая от камней какого-то действия, не слишком, впрочем, интересного. Рука застыла, как мертвая.

Вода поднялась, тронула гальку, подождала и откатилась прочь под дробный перестук и шорох мелких камушков, омывая тело и шевеля босые ноги. Затем вернулась, и на этот раз, уходя, плеснула в раскрытый рот. Лицо не изменило выражения, но тело вдруг затряслось – все сразу, с ног до головы. Белая рука двигалась в такт, и потому казалось, что трясется галька. Твердые камни бередили щеку, причиняя ноющую боль.

В голове появлялись и пропадали новые картинки, но слишком мелкие и далекие, чтобы доставлять беспокойство. Женское тело, белоснежное и пышное. Фигура мальчика. Билетная касса. Корабельный мостик. Слова команды, выжженные неоновым светом на фоне неба. Высокий тощий мужчина, робко отступивший в темноту за верхней ступенькой трапа. Тело, подвешенное в воде, как стеклянный человечек в банке из-под джема. Выбирать не приходилось – только картинки и галька. Очередной камушек заполнялся новым сюжетом, становился окошком или замочной скважиной, позволяя заглянуть в другой мир, в иное измерение. Слова обретали видимые четкие формы, подобно оглушительному приказу. Они не дрожали и не таяли, оставаясь твердыми, как галька – там, в смутной тьме под надбровными дугами, между обжигающей болью сдавленной щеки и туманными очертаниями носа, по внутреннюю сторону невидящего взгляда.

Холод стал другим – он медленно полз по спине, пробираясь между плотными слоями одежды. Воздух обжигал, как медленный огонь. Ощущение едва успело возникнуть, когда вернувшаяся вода наполнила рот, и приступ удушья перебил ритм сотрясавшей тело дрожи.

Подтянуть ногу поближе. Теперь другую. Рука, маячившая перед глазами, тоже сдвинулась. Где-то сзади еще одна... послать ей сигнал... Пальцы были на месте, но не слушались, их одеревеневшие кончики еле шевелили невидимую гальку. Руки и ноги, подчиняясь команде из центра и подстегиваемые холодной дрожью, начали совершать плавательные движения. Дыха-

ние стало чаще, сердце заколотилось. Бессвязные картинки исчезли, остались лишь камни, их шорох и стук в груди. В мозгу мелькнула полезная мысль – она не имела практической ценности, но позволяла вновь обрести частицу самого себя. Мысль удалось даже выразить в словах, хотя они прозвучали лишь по ту сторону зубов:

– Столько я весил бы на Юпитере.

В голове тут же прояснилось. Тело весит не больше, чем всегда, просто сил совсем не осталось. Здесь каменистый склон, надо на него заползти. Помятая щека отлепилась от гальки, колени уперлись в землю. Челюсти со скрипом сомкнулись. Двигаться и дышать – одновременно, чтобы грудь не цеплялась за камни...

Волны продолжали плескаться в ногах, но все дальше и дальше. Он полз медленно, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться и прийти в себя. Вода уже не доставала до ног.

Левая рука, та, что была не видна, коснулась чего-то твердого и неподатливого. Он с трудом перекатил голову и посмотрел. Серовато-желтая стена, вся в выбоинах, покрытая комками красноватой слизи. В каждой ямке желтеют колпачки морских блюдец, сверху нависают буро-зеленые плети водорослей.

Белое пятно галечного пляжа упиралось треугольником в сумрачную щель между сходящимися скалистыми стенами. Камень блестел от влаги, морская вода просачивалась сквозь бурые заросли и капала, собираясь в дрожащие лужицы.

Он стал разворачиваться, привалившись боком к скале и подтягивая ноги в толстых белых гетрах, далекие и неуклюжие, словно медвежьи лапы. Еще одна частица себя прежнего. Подсунув левую руку под щеку, он приподнял голову и, отталкиваясь ногами, стал втискиваться спиной в сырой темный угол. Потом запрокинул голову и обеими руками подтянул к груди колени – сначала одно, потом другое. Оказавшись наконец в сидячем положении, взглянул на гальку по ту сторону коленей. Усталое тело сторбилось, челюсть снова опустилась.

Собственно, гальки было не так уж и много. Сторона треугольной площадки, уместившейся в тени расщелины, не превышала человеческого роста. Обкатанные камушки лежали вплотную друг к другу, белые и твердые.

Взгляд с трудом оторвался от гальки и скользнул по воде, почти гладкой по сравнению с открытым морем. Впереди виднелась отколотая часть скалы, такая же серая, как стены рядом, скользкая от пены и ракушек. Волны натыкались на препятствие и били по краям расщелины, оставляя в промежутке несколько ярдов спокойной зеленоватой воды. Дальше, за одиноким рифом, неслись дымящиеся контуры набегавших валов, озаренных бледным солнечным светом.

Усталые веки упали, во тьме тут же вновь замелькали бессвязные образы, но неповоротливый разум, пропуская их мимо, сосредоточился на единственной мысли. Крошечный огонек, чудом не задутый мощным дыханием Атлантики, теплился где-то глубоко внутри. Жалкая искорка, не более, но ее надо сберечь. Тело скорчилось, защищая и баюкая последний источник жизни. Фразы и образы продолжали возникать перед закрытыми веками.

Сверху донесся протяжный крик морской птицы. Сознание отвлеклось от искры, мерцавшей во тьме, глаза открылись. На сей раз удалось увидеть все целиком: стены темной расщелины справа и слева, светлую полосу между ними, радужные фонтаны брызг впереди и мощную поступь океанских волн в туманной дымке, пронизанной солнцем.

Он повернул голову и бросил взгляд на стену, уходящую в небо. Там, где кончались водоросли и ракушки, каменная поверхность была ровнее. Сверху в расщелину проникал дневной свет, в узком проеме угадывались контуры облака. Мелькнуло крыло чайки, снова донесся резкий крик. Смотреть вверх было больно, и он перевел взгляд на колени: два бугра, укрытые толстой тканью плаща. Пуговица... Рот закрылся, опять раскрылся, оттуда полились хриплые неразборчивые звуки, и потребовалось усилие, чтобы как-то их упорядочить.

– Знаю, знаю, тебя пришел Натаниэль, я сам его попросил. Сказал, это предлог, чтобы дать ему передохнуть.

Веки устало опустились, пальцы неловко ощупывали знакомый твердый кружок.

– Носил этот плащ еще матросом... До Натаниэля пуговицы пришивал Задира.

Голова склонилась на колени.

«Первая вахта! Первой вахте построиться!»

Череду картинок перебил сонный храп. Приступы дрожи стали слабее, но руки все равно соскользнули с коленей и упали на гальку. Голова тряслась, ноги разъехались, камни больно давили на икры. Образы в сознании совсем перепутались, ощущение собственной личности стало теряться. Еще немного, и едва тлеющая искра окончательно угаснет... Пробившись сквозь мелькающий калейдоскоп, он приподнял веки и выглянул наружу.

Белые камушки перекатывались в набегавшей воде. Впереди виднелась скала-спасительница, вся в пене и фонтанах брызг – она принимала на себя удары океанских валов. Там стоял ясный полдень, а здесь, в мрачной каменной щели, отовсюду сочилась вода и стояла душная сырая вонь, как в портовом сортире.

Язык снова шевельнулся, изо рта вырвался хрип. В голове пронеслось: «Что за проклятое место?», но оскорблять непонятное убежище казалось рискованным, и гортань выдавила:

– Где я, черт побери?

Одинокая скала, вершина подводного хребта, единственный зуб в окаменевшей челюсти древнего затонувшего мира, пронзивший непостижимую толщу океана. Сколько отсюда миль до ближайшей суши? В душе вспыхнул страх – не судорожная паника первых минут за бортом, а глубокий мертвенный ужас. Онемевшие пальцы вцепились в скалу, тело рванулось, припав к стене, покрытой бурными пучками морской травы и комками слизи.

Думай, кретин несчастный, думай!

Туманная водная ширь совсем рядом, волны набегают на скалу, галька шуршит, колеблемая прибывающей водой.

Думай же!

Приступы дрожи сотрясали скорчившееся тело, глаза не отрывались от моря. Валы разбивались снаружи, но по эту сторону скалы укрощенная вода была безопасна. Он медленно опустился на гальку и снова втиснулся в угол расщелины. Искра еще теплилась, и сердце не давало ей угаснуть. Открытые глаза по-прежнему смотрели вперед, но уже ничего не видели. Слово ускользало. Как же он назывался? Островок на карте, крошечный одинокий риф посреди Северной Атлантики, вдали от всех берегов. Над ним еще шутили – когда оставалось время шутить. Карта возникла в сознании, но смутно. Штурман и капитан склонились над столом и ухмыляются, а он сам, тогда еще помощник штурмана, стоит в ожидании команды. Смех капитана, слова, произнесенные с четким дартмутским выговором: «Название почти в точку». ¹

Да, вот так, почти в точку, не важно, как именно. Корчиться в этой «почти точке», неизвестно где, в сотнях миль от Гебрид? Искра, мерцающая в щели нелепого заброшенного рифа... Лицо исказилось от ярости.

Лучше бы я остался там!

Обмякшее тело сползло на камни, голова без сил упала на грудь, снова раздался храп. Однако глубоко внутри сознание продолжало метаться посреди картинок, воспоминаний и вспыхивающих фраз, словно зверь за прутьями клетки. Отбрасывая назойливые подробности женских тел, не обращая внимания на боль и приступы дрожи, оно старательно подбирало обрывки слов в поисках нужной мысли. Нашло, отделив от бессмысленного мусора, подняло на поверхность и заставило тело придать ей осязаемость и четкость.

¹ Имеется в виду остров Рокол (Rockall) примерно в 200 милях к западу от Гебридских островов, прозванный Fuckall, от англ. жарг. «fuck all» «совсем ничего». – *Примеч. пер.*

– У меня есть разум.

Темный провал, снова храп... наконец, далекая правая рука, подчинившись команде, зашарила по плащу, нашла карман, пролезла внутрь. Пальцы нащупали моток веревки, складной нож... Веки, затрепетав, приоткрылись – в рамке надбровных дуг вспыхнула зеленую поверхность моря. Глаза бессмысленно вытаращились, тело резко дернулось. Искра внутри вспыхнула ярким пламенем, тело сжалось и перекаатилось на колени, рука вылетела из кармана и вцепилась в скользкую стену.

Новая волна перехлестнула скалу, в мощном потоке мелькали бурые плети водорослей. Зеленоватая гладь вскипела, разрывая полосу прибрежной пены, и с шипением швырнула к ногам пригоршню гальки. Пена схлынула, камушки застучали, как зубы. Волны шли одна за другой, поглощая с каждым разом больше гальки и отвоевывая территорию пядь за пядью. Скала являла лишь слабое подобие защиты, почти не сдерживая неумолимого наступления дымящихся валов. Он вздрогнул и обернулся. Темная зловонная щель в каменной стене с промокшими пучками водорослей, безмозглыми ракушками и слизью становилась сушей лишь дважды в сутки. Прочная и надежная с виду, каменная расщелина была ловушкой, столь же враждебной любой дышащей воздухом жизни, как океанская зыбь и морская вода в милю глубинной.

Крик чайки прозвучал эхом его собственного. Он прижался лбом к скале, пережидая, пока успокоится сердце. Ноги окатило пеной. От галечного пляжа уже почти ничего не осталось, а первые камни, которых коснулось выброшенное на берег тело, едва проглядывали желто-зелеными пятнами под целым футом бурлящей воды.

– Наверх!

Руки нащупали точки опоры: их оказалось немало, но распухшие пальцы с трудом цеплялись за мокрые выступы скалы. Он на несколько мгновений прислонился к стене, собираясь с силами, потом поднял правую ногу и вставил в глубокую выемку с выступающей кромкой, вроде пепельницы. Кромка была не очень острая и совсем не чувствовалась. Оторвав лоб от заросшей водорослями каменной поверхности, он подтянулся, выпрямляя ногу. Другая повисла в воздухе, качнулась, ударилась о стену, но и ее удалось пристроить на подходящий выступ. Тело прижалось к скале, раскинув руки, всего в нескольких дюймах над галькой. Глаза вглядывались в темную щель, пропитанную мерно сочащейся влагой, словно завидуя этой тайной умиротворенности. Время уходило капля за каплей. Поле зрения распадалось – две картинки, дрожа, разъезжались в стороны.

Снова зашуршала галька: волна лизнула каменную стену. Он опустил голову и посмотрел вниз, поверх спасательного пояса, через распахнутые полы плаща, на мокрые обкатанные камушки в самом углу расщелины. Взгляд наткнулся на белые гетры – там ноги.

И зачем только я сапоги скинул...

Он осторожно шевельнул левой ступней и напряг колено, перенося на нее вес. Ноги вели себя странно: они ничего не чувствовали, пока не наступали на что-нибудь острое, и становились частью тела, лишь ощущая боль или попадая в поле зрения.

Волна дотянулась до расщелины, шлепком ударила в стену и окатила лицо. Он издал какой-то звук и только теперь понял, в каком плачевном состоянии находится плоть, доставшаяся ему во владение. Звуки клокотали в глотке и оставались там, открытый рот не помогал им выйти наружу. Отвисшая нижняя челюсть упиралась в жесткий воротник плаща. Бульканье усилилось, зубы, повинувшись команде, со щелчком сомкнулись, из оковеневших губ вырвались слова:

– Как мертвец...

Еще одна волна обдала лицо брызгами. Он с трудом взбирался по бугристой каменной поверхности, пока на скале не осталось ничего живого – ни блюдецек, ни мидий, одни крошеч-

ные ракушки и зеленые водоросли. Ветер напирал сзади, вдавливая тело в расщелину, море угрожающе бормотало.

Щель становилась все уже. Неожиданно голова оказалась в отверстии, которое едва позволяло протиснуться. Он уперся расставленными локтями и взглянул вверх. Дальше стены вновь расходились, образуя воронку, поверхность которой, хоть и неровная, не позволяла удержаться за счет одного трения. Каменный склон уходил вверх наподобие ската крыши, расстояние до вершины составляло примерно два человеческих роста. Глаза медленно задвигались, выискивая точки опоры для рук, и не нашли ни одной. Правда, на полпути к вершине виднелась впадина, но слишком мелкая. Онемевшие распухшие пальцы едва ли зацепились бы за сглаженный край.

Снизу донесся глухой удар. Мощная волна ударила в угол, разбилась и отхлынула. На мгновение смутно показались светлые очертания гальки и сразу исчезли в зеленоватом потоке. Между телом и скалой взметнулся фонтан брызг. Руки и ноги опять задвигались, тело с трудом протиснулось сквозь дыру, высунувшись до пояса, и привалилось к наклонной стене воронки. Ноги уперлись в те места, где прежде были локти. Колени медленно выпрямились, дыхание тяжело вырывалось из груди. Правая рука вытянулась вперед, пальцы сомкнулись на гладком краю углубления, ухватились покрепче. Нога оставила опору, колено поползло вверх... теперь другая нога...

Он повис на наклонной стене, удерживаемый одной рукой и трением. До вершины оставалось совсем немного, но слабые пальцы дрогнули и разжались, и тело вновь сползло к отверстию, ведущему вниз, в расщелину. Камень перед глазами расплывался, вытянутые руки остались где-то наверху.

Внизу шумело море, отвоевывая шаг за шагом. Удары волн следовали один за другим. Прямо перед глазами о стены воронки разбивались тяжелые брызги и стекали вниз. Вода уже окатывала ноги. Голова приподнялась, оторвавшись от скалы. Оскал напрягся, борясь с онемевшими мышцами лица.

– Как блюдечко.

Тело прилепилось к каменной поверхности и застыло неподвижно. От гальки внизу остались лишь неясные контуры в коловращении морской пены. Потом и галька, и скала исчезли, а следующая волна окатила с головы до ног. Он стряхнул брызги с лица и взгляделся в отверстие воронки, словно мог увидеть что-то, кроме воды.

Блюдечко!

Он решительно спустил ноги в дыру, нащупал опору и стал протискиваться вниз, застывая и прижимаясь к скале при каждом ударе волн, а потом переводя дыхание и отплевываясь. Холода от воды больше не чувствовалось, но била она с каждым разом все сильнее, все упорнее тянула вниз. Сорвавшись, он пролетел последние несколько дюймов: волна подхватила его, грубо отбросила в угол расщелины, поволокла за собой. Увязая в рыхлой гальке и шатаясь, он поднялся на ноги по колено в воде и тут же упал на четвереньки, погребенный под зеленоватой массой, которая ударила в скалу, взметнув фонтаны брызг. Вода пыталась опрокинуть его, но руки держались крепко. Он достал складной нож и раскрыл его, потом наклонился – перед глазами расплылись очертания камней и водорослей, море шумело в ушах поющей нотой. Наконец он выпрямился; нож снова болтался у пояса, а в руках оказались два морских блюдечка. Волна снова сбила с ног и поволокла, перевернув вверх ногами. Он едва успел схватиться за скалу, выжидая и переводя дух. Еще толчок – теперь пришлось цепляться, чтобы лезть медленно, сохраняя контроль над телом. После каждой волны он изо всех сил прижимался к каменной стене, стараясь не двигаться, не дать унести себя в море. Атаки воды постепенно утрачивали свинцовую тяжесть, но становились все изощреннее и злее. Волны рвали одежду, били между ног, задирали полы плаща, сбивая их к поясу. Стоило взглянуть вниз, как волна наносила удар в лицо или живот, выталкивая тело вверх по тесной расщелине.

Протиснувшись в отверстие, он дождался, пока вода схлынет, и жадно вдохнул соленый, пропитанный влагой воздух. К носу прилипла прядь волос, раздваиваясь перед глазами. Очередная волна поднялась в дыру и обрушилась мощным водопадом, но тело осталось на месте, заклиненное в самой узкой части воронки. Преодолевая дрожь, он распластался на склоне и стал выпрямлять ноги. Лицо терлось о камень, потоки воды окатывали спину. Он вытащил из кармана блюдечко, прижал к скале, и, как только схлынула следующая волна, стукнул по раковине рукояткой ножа. Блюдечко слегка накренилось и плотно присосалось к новому месту. Человек и раковина вместе висели на скале, сопротивляясь напору воды.

Ноги напряглись, тело застыло неподвижно. Правая рука протянулась вверх и нащупала ту самую выбоину со сглаженными краями, за которую в прошлый раз не удалось удержаться. Затем рука опустилась, пошарила в кармане, залитом водой, и двинулась в обратный путь с зажатым в кулаке вторым блюдечком. Глаза бесстрастно смотрели в упор на каменную стену, вся жизнь, что еще теплилась в теле, сосредоточилась в медленно ползущей руке. Отыскав углубление, рука прижала раковину, тело вытянулось вперед на несколько дюймов и вновь застыло, пережидая волну. Вот рука снова опустилась, вернулась с ножом, слепо потыкала в скалу, нащупала онемевшими пальцами блюдечко, ударила по раковине рукояткой.

Задрав голову и вжимаясь в скалу под ударами волн, он внимательно смотрел на блюдечко. Нож выпал из руки, звякнул о камень и повис на поясе. Рука нашла колпачок резиновой трубки, открутила его. Воздух с шипением вышел, тело плотнее прижалось к скале. Голова склонилась набок, движение прекратилось. Дыхание оставляло на влажной каменной стене мутные разводы, то и дело смываемые очередным водопадом. Нож болтался внизу, со стуком ударяясь о скалу.

Голова шевельнулась, взгляд снова устремился вверх. Рука крепко сжала раковину морского блюдечка, правая нога дрогнула и поползла, ища опоры. Наконец колено наткнулось на первую раковину – ту, что была внизу. Рука разжала хватку, опустилась к ноге и подтянула ее. Оскал, притаившийся за безжизненным лицом, ощутил боль в колене – это означало, что оно держится. Зубы сжались, тело задвигалось, изогнулось. Рука вновь вцепилась в верхнее блюдечко. Левая нога двинулась к правой, оттолкнула ее в сторону, оперлась краем ступни на раковину и стала медленно выпрямляться. Еще одна волна накатила на скалу и обрушилась.

Тело лежало на крутом каменном склоне, опираясь одной ногой на раковину, но держалось в основном за счет трения. Блюдечко, в которое вцепилась рука, было прямо перед глазами. Другая рука шарилась над головой, ища новую опору, тело отчаянно тянулось вверх. Выше, еще выше – и вот наконец пальцы нащупали острую кромку. Правая рука поползла следом, ухватилась. Он подтянулся, отталкиваясь обеими ногами. За кромкой скалы виднелся провал, проблески моря, нагромождения камней, покрытые чем-то белым. Он перевалился через край и рухнул ничком.

3

Он лежал в скалистой впадине, перед глазами поднималась выветренная стена, длинная полоса воды уходила вдаль. Тело пряталось где-то позади, в совсем другом месте, не имевшем ничего общего с этой картинкой, – ноги разбросаны по разным мирам, шея неестественно вывернута, скрюченная правая рука придавлена к земле. Костяшки пальцев больно, но терпимо впивались в бок – не стоило прикладывать титанические усилия и сдвигаться с места. Другая рука вытянулась вдоль впадины, наполовину под водой. Правый глаз почти касался воды, так что веко, моргнув, задело ее ресницей, ощутив сопротивление. К тому времени, как взгляд стал осмысленным, водяная пленка успокоилась, хотя щека и уголок рта, остававшиеся под водой, заставляли ее слегка вздрагивать. Левый глаз смотрел вдоль длинной лужи странного грязно-белого оттенка, слишком светлого для простого отражения пасмурного дневного неба. В углу рта неприятно покалывало. Время от времени на воде появлялись крапинки, от которых расходились едва заметные переплетающиеся круги. Блестящее водное зеркало ограничивалась сверху темной аркой глазницы, а снизу – бледно-розовой кожей носа.

В мозгу вяло зашевелились мысли.

Я упал в расщелину... Голова уперлась в стенку, шея свернута набок. Ноги, должно быть, задрались кверху и свесились с противоположного края, оттого бедра и ноют. Сильнее всего болят пальцы на правой ноге. Я лежу на согнутой руке, и она давит на ребра. Пальцы совсем одеревенели... Белое под водой – это пальцы другой руки, которую почти не видно.

Сверху донесся пронзительный крик, послышалось хлопанье крыльев. Над стеной расщелины появилась чайка. Широко раскинув крылья и вытянув когтистые перепончатые лапы, она затормозила в воздухе над самой скалой и с сердитым клекотом скользнула вбок, обдав холодным дуновением щеку. Белесая вода покрылась рябью, тревожа закрытый глаз, щеку и угол рта. Жжение усилилось.

Тупая боль в теле не вызывала желания шевелиться, и даже жжение ощущалось лишь снаружи черепа. Левый глаз все так же вглядывался в белизну руки под водой. Память возвращала картинку, появились и новые: человек карабкался по скале, прилеплял к ней раковины.

Образы в голове тревожили сильнее, чем боль. Рука сжалась в кулак, рукав плаща заколыхался в воде. Дыхание участилось, по воде пошли волны, достигли края и вернулись назад.

Вода плеснула в открытый рот. Тело дернулось, забилося. Ноги, брыкнув, качнулись в сторону, голова чиркнула о скалу и повернулась. Расплескивая белую воду, руки уперлись в дно. По лицу стекала скользкая жижа, под правым веком стрельнула острая боль. Болезненно оскалившись, он сплюнул, глядя на лужи с толстым слоем грязно-белого осадка и чайку, скользившую прочь над зелеными океанскими валами. Рванулся вперед, свалился в соседнюю впадину, выбрался из нее на кучу битого камня и двинулся вниз по склону скользя и спотыкаясь, то и дело падая. Вокруг гладких приплюснутых валунов плескалась вода, кишевшая растительной жизнью. Ветер нетерпеливо подгонял, не давая выбрать безопасный путь. Стоило на миг задержаться, как новый толчок в спину нарушал шаткое равновесие тела и опрокидывал его на острые камни. Окружающее воспринималось не целиком, а отдельными пятнами, только самое важное – трещина, выступ, желтоватое пятно, неотвратимо надвигающееся, словно летящий кулак. Боль от ударов взрывалась яркими вспышками, но самой главной бедой была игла, засевшая в глазу, потому что она проникала внутрь, в темные глубины черепа, где скорчилось сознание. Тело жило и двигалось снаружи, а от иглы некуда было деться.

Пальцы вцепились в бурые спутанные плети, море омывало плечи и голову. Приподнявшись, он заполз на плоский камень с лужицей в середине, окунул лицо в воду и слегка поболтал рукой, чтобы промыть глаз. Затем руки разбрелись по сторонам и вернулись с комками морской тины. Он поднялся на колени и приложил липкую зеленую примочку к глазу и пра-

вой щеке. Откинулся на спину, не обращая внимания на слизь, острые края и раковины моллюсков, положил левую руку на колено и стал искоса разглядывать ее – скрюченные пальцы, бледная кожа с просвечивающей синевой, глубокие складки ладони. Игла не исчезала, вторгаясь под темные своды черепа. Стоило пошевелить глазом, как она впивалась еще глубже. Глаз открылся и тут же наполнился водой, сочившейся из комка тины.

Из груди вырвался хрип. Звуки выходили один за другим плотными сгустками, от которых содрогалось тело. Струйки соленой воды вытекали из обоих глаз, сливаясь со следами, оставленными морем и белой жижей. Руки и ноги тряслись.

Ниже по склону на скале виднелась еще одна лужица, поглубже. Он добрался до нее, снова нагнулся, окунул лицо и заморгал, пытаясь избавиться от иглы. Картинки из памяти отступили так далеко, что стали почти незаметными. Руки тоже нашли воду и погрузились в нее. Хриплые стоны сотрясали грудь.

Чайка вернулась, с ней другие. Резкие птичьи крики переплетались над головой, словно следы в воздухе. Море тоже издавало звуки: вода бурлила меж камней под самым ухом и тяжело бились мощные волны, перехлестывая скалистый барьер, заполняя трещины и расщелины. Не обращать внимания на боль... Мысль возникла и засела в самом средоточии тьмы, где таилось сознание. Глаза открылись, преодолевая страшную иглу, и уставились в безжизненно белые ладони.

– Спрятаться. Найти укрытие. Иначе смерть.

Он осторожно обернулся. Выступы скалы, так нещадно обдиравшие его во время спуска, сливались теперь в картинку. Взгляд выхватывал целые куски, которые расплывались, как только игла впивалась в мозг и исторгала из глаз соленую влагу. Надо снова карабкаться вверх.

Ветер стих, но длинные струи дождя все так же висели над головой. Следующее препятствие было невелико, чуть выше человеческого роста, однако чтобы преодолеть его, пришлось тщательно обдумывать и согласовывать действия разных частей тела. На плоской верхушке утеса удалось прилечь и немного отдохнуть. Поднимавшийся склон расплывался водянистыми пятнами. Солнце стояло над вершиной скалы, освещая расщелины, заполненные белой жижей. Свет пробивался сквозь облака и завесу дождя. Над скалой кружили птицы. Тусклое солнце вышибло из глаз новые слезы, игла впилась еще сильнее. Он зажмурился и вскрикнул.

Ощупью проползая через ямы и расщелины, он изредка поглядывал одним глазом и выбирал путь там, где ничего не белело. Ноги приходилось перетаскивать через зазубренные края ям, словно чужие. Боль от иглы притупилась, но внезапно вернулись холод и смертельная усталость. Наконец, повалившись ничком в какую-то щель, он замер, предоставив тело самому себе. Озноб пробирался все глубже, под кожу, в самые кости. Сдайся, твердили холод и усталость, откажись от надежды вернуться. Оставь все как есть, не цепляйся за жизнь. В белых сгустках плоти нет ничего привлекательного, ничего интересного. Лица, слова – все это было в другой жизни, и не с тобой. Здесь, на скале, час длится дольше целой жизни. Что тебе терять, кроме бесконечных мучений? Брось. Отступись.

Тело снова дернулось и поползло – не потому, что мышцы и нервы отказывались признать поражение. Голоса били, словно волны в борт корабля, но посреди всех картинок, ударов боли и голосов таилось нечто осязаемое и твердое, как стальной стержень. Оно было центром всего – настолько, что само не могло осознать себя, – и таилось во тьме черепа, в бездонной глубине, несокрушимое и самодостаточное, темнее и загадочнее, чем сама тьма.

– Укрытие. Найти.

Центр принялся за работу: отключил внимание от сверлящей иглы, осмотрелся, собрался с мыслями, принял решение, в какую сторону двигаться. Перебрал десятки путей и отверг их один за другим, прокладывая маршрут для ползущего тела. Открыл светящийся проем под сводами черепа и стал медленно поворачивать голову из стороны в сторону, подобно гусенице,

что пытается перелезть с листа на лист. Тело уже приближалось к подходящему убежищу, а голова все ходила туда-сюда, опережая неповоротливые мысли.

Плита, отколовшаяся от стены, лежала косо, образуя треугольный проем. Воды там почти не набралось, и белой жижи заметно не было. Темная дыра уходила вниз и в сторону, повторяя ход расщелины, но выглядела даже суше, чем поверхность скалы. Голова прекратила движение, тело прижалось ко дну возле дыры, погрузившись в тень, и стало разворачиваться в узкой впадине, преодолевая сопротивление намокшей одежды. Дыхание тяжело вырывалось из груди. Когда наконец белые гетры оказались у отверстия, он просунул ноги внутрь и, лежа на животе, начал извиваться словно змея, которая никак не может сбросить с себя кожу. Вытаращенные глаза смотрели в никуда. Руки потянулись вниз, расправляя сбившийся плащ и проталкивая его в лаз. Жесткая прорезиненная ткань поддавалась с трудом, и тело двигалось понемногу, мелкими разрозненными движениями, подобно морскому раку, забирающемуся в нору. Тело плотно забилося в щель по самые плечи, спасательный пояс сместился кверху, до упора. Резиновая полоса мягко охватила грудь. Мысли лениво прибывали и убывали, глаза оставались пустыми, если не считать соленую влагу, которая продолжала капать из правого глаза, где засела игла. Рука отыскала трубку с затычкой. Он надул пояс – тот обрел упругость, – обхватил плечи руками: белая ладонь с каждой стороны. Уронив голову на жесткий рукав, он прикрыл глаза – не плотно, а слегка. Рот оставался открытым, челюсть отвисла в сторону. Изнутри дыры приступами поднималась дрожь, заставляя трястись руки и голову. Вода медленно сочилась из рукавов, стекала с волос по лицу, капала из носа. Мокрые складки сбившейся одежды плотно облегли шею. Глаза снова открылись – так было легче справиться с иглой, которая вонзалась в центр, где обитало сознание, только когда приходилось моргать, стряхивая воду.

Чайки кружили над скалой, потом уселись на самой вершине и задрали головы, широко распахнув клювы. Серое небо темнело, поверхность моря затягивалась дымкой. Птицы переговаривались, расправляли крылья, складывали их и прятали головы, устраиваясь на ночлег, похожие на белую гальку, усеявшую скалистый пик. Серый сумрак густел, превращаясь во тьму, сквозь которую виднелись лишь птицы и пятна их помета, похожие на хлопья морской пены в серой воде. Тьма заполняла каменные расщелины. Здесь, возле укрытия, не было грязно-белой жижи, и разглядеть можно было лишь смутные силуэты валунов. Ледяной вете-рок веял над скалой невидимым дыханием, издавая непрерывный, еле слышный свист. Издалека, с наружной стороны, где в море стояла скала-спасательница, доносились удары волн, бивших в расщелину. После каждого наступала долгая пауза, потом слышался шорох и плеск воды, стекавшей в воронку.

Человек лежал, скорчившись в тесной расщелине. Голова покоилась на черном клеенчатом рукаве, руки мерцали белыми пятнами по сторонам. Время от времени тело сотрясали приступы дрожи, и тогда жесткая ткань издавала слабый скребущий звук.

4

Расщелин было две. Первая – каменная пещера, замкнутая, лишенная тепла, но в то же время и холода, который несли море и ветер. Камень нес в себе отрицание. Пещера сжимала тело со всех сторон, унимая приступы дрожи, – не успокаивая, а лишь загоняя внутрь. Боль ощущалась, но далекая боль, похожая временами на обжигающее пламя, тупая в ступнях и чуть острее в коленях. Он наблюдал боль изнутри, из глубины внутренней пещеры – собственного тела. Под коленями мерцали огненные язычки, живо перебегая по скрещенным веточкам, словно в костре, который развели под умирающим верблюдом. Однако человек был не глуп и терпел огонь, дарующий не тепло, а боль. Терпеть приходилось, потому что попытка встать или хотя бы шевельнуться лишь подбрасывала хвороста и раздувала пламя, распространяя боль по всему телу. Он обитал в самом верхнем конце внутреннего убежища, сделанного из мяса и костей, вдали от языков пламени. Рядом покоилось туловище, оно опиралось на тугой резиновый валик спасательного пояса, который перекачивался взад-вперед при каждом вздохе. Над туловищем крепилась костяная сфера мироздания, где был подвешен он сам. Половина мироздания также горела и замерзала, но эта боль казалась ровнее и терпимее. Лишь в самом верху засела огромная игла, которая время от времени преследовала свою жертву. Мировая сфера сотрясалась, сдвигая целые континенты, уколы следовали один за другим, и в верхнем полушарии все менялось: во тьме шевелились смутные серые тени, и мелькало пятно ослепительной звездной белизны, которое, кажется, было рукой. Другая сторона сферы утопала во тьме и не доставляла беспокойства. Он висел, колыхаясь, в самом центре, подобно всплывшему утопленнику, затвердив, как незыблемую аксиому бытия, что обязан довольствоваться даже самой малой из наименьших отпущенных ему милостей. Все телесные придатки с терзающим их медленным огнем, дыбами и пыточными клещами маячили где-то вдали. Найти бы только способ оставаться в полном бездействии, достичь хрупкого внутреннего равновесия, и можно всегда плавать внутри костяного шара, спокойно и не испытывая боли.

Иногда казалось, что такое состояние почти достигнуто. Он съеживался, а сфера стремительно раздвигалась, унося обожженные конечности в межпланетное пространство. Однако судорожные толчки не переставали приходить из глубин космоса, накатываясь волнами, и тогда он снова рос и проникал во все уголки темных глубин, задевая языки пламени обнаженными нервами, пока не заполнял всю сферу, неизменно натываясь на вечную иглу, которая прошивала правый глаз и входила прямо в голову. Сквозь ослепляющую боль смутно мелькало белое пятно руки, и он снова отдалялся, медленно съеживаясь в центре мироздания, и, как прежде, плыл в непроглядной тьме. Этот незыблемый ритм возник на заре времен и утвердился на веки вечные.

Картинки из памяти, собственной или чужой, временами искажали этот ритм, не меняя его сути. В отличие от тусклых язычков пламени, они ярко светились. Гигантские волны, больше, чем мироздание, и среди них – стеклянная фигурка моряка. Горящие неоновые буквы приказа. Женщина – не бледное тело с назойливыми подробностями, как раньше, а настоящая, с лицом. Темный жесткий силуэт идущего в ночи корабля, плавный крен вздымающейся палубы, гул машин. Мостик под ногами, впереди тускло освещенный нактоуз. Нат, оставив наблюдательный пост у левого борта, спускается по трапу. Нескладный, долговязый, на ногах не сапоги или парусиновые туфли, а гражданские ботинки, ступает осторожно, баба бабой. Сколько месяцев прошло, а не научился ни одеваться правильно, ни ходить, как настоящий моряк. Наверху утренний холод пробирает его до костей, а на жилой палубе преследует грязная, грубая речь и вечные насмешки. Робкий, послушный, ни к чему не пригодный тип.

Он отвернулся от Ната и бросил взгляд за правый борт. На фоне предрассветного неба смутно вырисовывались суда конвоя. Стальные борта вздымались как грязные серые стены, исполосованные потеками ржавчины.

Нат все еще пробирался на корму, чтобы провести свои пять минут в одиночестве, общаясь с вечностью. Как всегда, пристроится возле правого бомбомета – не потому, что там лучше, чем у планшера на наблюдательном посту, а просто привык. Там ветер, вонь от машин, вся пыль и грязь, какая только бывает на старом эсминце в военное время, но он терпит. Жизнь, как таковая, со всеми ее прикосновениями, образами, запахами и звуками бесконечно далека от него. Так и будет терпеть, пока не привыкнет, пока не перестанет все это замечать. Морьяка из него никогда не выйдет, потому что все его неуклюжие конечности прилажены к телу кое-как, а то, что внутри, только и делает, что молится в ожидании встречи с вечностью.

Корабельные часы продолжали тикать. Пора ложиться на новый галс противолодочного зигзага. Он внимательно взглянул на секундную стрелку.

– Право руля, пятнадцать градусов!

Шедший впереди слева «Вильдебист» тоже менял курс. За кормой в сером утреннем свете бурлила вода, потревоженная поворотом руля. Палуба под ногами накренилась, и «Вильдебист» словно дал задний ход, становясь почти параллельно нос к носу.

– Прямо руль!

«Вильдебист» по левому борту еще не закончил маневр. Стальная палуба под ногами передавала малейшие колебания неповоротливой серо-зеленой пучины, позволяя точно предсказать степень крена, но сама вода была не столь предсказуема. На последних градусах разворота судна огромный вал прокатился возле носа и ушел под корпус. Корма осела, соскальзывая с крутой волны, и эсминец сошел с курса на десять градусов.

– Так держать!

Проклятый флот, проклятая война! Он сонно зевнул, наблюдая, как снова бурлит вода под кормой «Вильдебиста», который возвращался на курс.

Обжигающее пламя опять вспыхнуло где-то там, на дальней оконечности расщелины, игла вонзилась в мозг – вокруг снова было лишь измученное тело. Огонь медленно угасал, следуя неизменному ритму.

Корабли охранения поворачивали. В перерывах между приказами он вслушивался в дрожащий писк противолодочного гидролокатора. Караван торговых судов пыхтел вовсю на шести узлах, а эсминцы, словно почетный эскорт, расчищали путь впереди, орудуя невидимыми метлами, и время от времени делали зигзаги, поворачивая одновременно в едином строю.

С трапа послышались шаги, и он принялся деловито брать пеленг – это мог быть капитан. С показной тщательностью проверил положение «Вильдебиста», но никто так и не заговорил. Мельком обернулся и увидел старшину Робертса, который тут же отдал честь.

– Доброе утро, старшина!

– Доброе утро, сэр.

– Ну, как дела? Не найдется для меня стопочки?

Близко посаженные глаза под козырьком фуражки метнулись в сторону, но уголки губ поползли вверх.

– Вообще-то, сэр... – Пауза, быстрая прикидка всех «за» и «против», оценка возможной выгоды. Улыбка стала шире. – Выпивка совсем на исходе, сэр, но для вас...

– Отлично, спасибо.

Что же это будет – предписание о назначении, рекомендация к повышению по службе? О какой маленькой услуге он попросит?

Однако старшина Робертс затеял игру посложнее. Куда бы потом ни завела длинная цепь взаимных обязательств, сегодня требовалось лишь по достоинству оценить его здравый смысл и предусмотрительность.

– Я насчет Уолтерсона, сэр...

– Нат? – Удивленный смешок. – Мой старый приятель? Неужто проштрафился?

– Да нет, сэр, не то чтобы, просто...

– Что?

– Лучше взгляните сами – на корме, вон там.

Они перешли к правому борту. С мостика Нат был хорошо виден. Упершись костлявым задом в планшир за бомбометом, а ногами в пробковое покрытие палубы, он все еще общался с вечностью. Лицо закрыто ладонями, тощее, неправдоподобно длинное тело раскачивается в такт волнам.

– Вот придурок.

– Слишком уж часто он это делает, сэр.

Старшина Робертс шагнул ближе, от него явственно пахло спиртным. Вот как, стало быть, на исходе?

– Я бы подал на взыскание, сэр, но подумал – раз уж он ваш приятель по гражданке...

Пауза.

– Ладно, старшина, я сам ему намекну.

– Спасибо, сэр.

– Вам спасибо.

– Про стопочку я не забуду.

– Вот это замечательно.

Старшина отдал честь и спустился с мостика.

– Лево руля, пятнадцать!

Одиночество: здесь, с языками пламени и неотступной иглой – и на палубе, под стволом орудия. Оскал сложился в горькую усмешку. Можно представить, что творилось в голове у Натаниэля. Пробираясь на корму, он пытался найти уединение где-нибудь между орудийной командой и вахтой у бомбомета, только откуда его взять простому матросу на маленьком корабле, раз уж с самого начала не хватило ума и опыта, чтобы подыскать себе спокойное местечко. Смыться от скотов из носового кубрика, поменять убожество скученности на убожество, продуваемое всеми ветрами? Где ему понять, что теснота жилой палубы сама по себе дает в каком-то роде уединение, подобно лондонской толпе. Неужели лучше терпеть угрюмые усмешки вахтенных, которые тарашатся на него от нечего делать?

– Прямо руль! Так держать!

Новый зигзаг. Зиг.

Теперь молится там внизу вместо того, чтобы валяться в койке, потому что ему сказали, будто во время вахты следует вести наблюдение за каким-то сектором в море. Вот и ведет наблюдение, послушно и тупо.

Центр тьмы внутри головы повернулся, охватывая взглядом наблюдательный пост по левому борту, вращение антенны радиопеленгатора, дрожащий раскаленный воздух со струйкой дыма над трубой, потом посмотрел с мостика вниз и направо.

Натаниэль был еще там. Худоба делала его громадный рост еще невероятней – казалось, он вот-вот перекувырнется назад через низкий борт. Неуклюже расставленные ноги все так же держались на палубе за счет одного лишь трения. Вот он отнял ладони от лица, уперся в планшир и встал. Двинулся вперед, вытянув руки вперед, чтобы удержать равновесие. Смешная матросская шапочка сидит на самой макушке, черные кудри, влажные от ночной сырости, торчат во все стороны. Случайно взглянул на мостик, и правая рука тут же дернулась к виску, салютуя, – никаких вольностей себе не позволяет, знает свое место, такой же смиренно-нелепый и несуразный, как на гражданке.

Резкое движение нарушило неустойчивое равновесие, долговязая фигура накренилась, рука промахнулась мимо головы. Корабль поднимался на волне, и тело с растопыренными

конечностями едва удержалось от падения. Отвернувшись, человек шагнул к кожуху двигателя, ухватился рукой, словно проверяя, насколько тот нагрелся, снова повернулся и отдал честь, на этот раз медленно.

Темный центр заставил себя приветственно помахать нарисованной на картинке фигуре. Выражение лица Натаниэля было видно даже отсюда. Радость узнавания – не приклеенная улыбка старшины под цепкими близко посаженными глазками, а настоящая, исходящая из невидимого центра по ту сторону лица, свидетельствовала об истинной доброте. Дыхание участилось в такт вспыхнувшей симпатии, внутренность сферы забила в конвульсиях, игла стала пробиваться к центру, пробуждая прежнюю боль.

Терзаясь отчаянием безысходности, он вцепился в нактоуз – и в скалу.

– Никому меня не понять!

И вновь теснота внутренней расщелины и языка пламени, с треском пожирающие плоть.

Новые звуки. Они исходили от белых пятнышек там, вдали. Пятна становились все отчетливее. Он понял, что прошло время. То, что казалось ритмом вечности, длилось на самом деле всего лишь часы, и разгоравшийся свет возвращал ощущение собственной личности, придавал ей границы и целостность. Звуки были гортанным клекотом одной из сидящих чаек.

Охваченный болью, он вглядывался в свет, осознавая приход нового дня. Если осторожно обращаться с воспаленным глазом, можно рассмотреть одеревеневшую левую руку. Получив приказ сжаться, пальцы дрогнули и послушались. Он снова здесь, снова человек, втиснутый в глубокую щель на голой скале посреди океана. Память возвращалась. Каменная воронка, расщелина... День разгорался, подчеркивая безжалостным светом весь ужас положения несчастного, выброшенного на пустынный берег. Тело корчилось, пытаясь выбраться из узкого пространства между скалами. Проснувшиеся чайки взмыли в воздух с резкими криками и стали виться над головой, разглядывая незнакомца. В них не было ни настороженности, как у птиц с населенных людьми берегов, ни первобытной невинности. Вскормленные войной, они приходили в негодование от непонятного шевеления теплого человеческого тела посреди воды. Паря почти вплотную и хлопая крыльями, они будто повторяли снова и снова, насколько лучше было бы, качайся это тело на волнах, как лопнувший гнилой матрас. Неловко приподнявшись, он подался вперед, размахивая онемевшими руками.

– Кыш! Убирайтесь! Валите отсюда!

Чайки с клекотом взмыли над головой и тут же опять навалились, мелькая перед глазами и задевая лицо. В панике он отмахнулся, и одна из птиц отлетела прочь, неловко взмахивая ушибленным крылом. Только тогда стая отступила и, описывая широкие круги, продолжала наблюдать за пришельцем, хищно вытягивая узкие головы. Летающие рептилии. Он содрогнулся, ощутив первобытную ненависть к существам, наделенным когтями. Хищные контуры обтекаемых тел напомнили о вампирах и прочих странных тварях.

– Пошли прочь! Не на того напали!

Белые круги расширились, потом распались. Чайки потянулись в сторону моря.

Он переключил внимание на тело, одеревенелое и состоявшее, казалось, из одних ушибов и ссадин. Управление давалось с трудом: команды ногам приходилось давать по отдельности, словно это были громоздкие, криво примотанные ходули. Он переломил ходули посередине и сел, ощутив новые очаги огня, островки мучительного страдания в общем океане боли. Пламя перед правой глазницей пылало ближе всего, оно не было новым. Упираясь спиной в скалу, он поднялся на ноги и огляделся.

Утро выдалось пасмурное, но ветер стих, и вода утратила прежнюю целеустремленность и напор. В шуме моря звучали спокойные, почти нежные полутона, каких никогда не услышишь с палубы идущего корабля. Плеск бесчисленных мелких волн сливался воедино, осторожные шлепки крошечных язычков, лизавших камень, сменялись бульканьем и неторопливым смакованием. Готовые, казалось, вот-вот обрести членораздельность, звуки множилось

и схлестывались, превращаясь в голодное причмокивание. Над всем этим солирующей нотой стоял тихий свист воздуха, трущегося о скалы – едва уловимый шелест, ровный и нескончаемый.

Над головой крикнула чайка. Он прикрылся рукой, глядя из-под локтя, но птица уже улетала прочь. Крики растаяли в воздухе, и все вокруг снова погрузилось в безмятежное спокойствие.

Вглядываясь в горизонт, он провел языком по верхней губе. Потом еще раз. С трудом сглотнул, зажмурившись и преодолевая боль от ожившей иглы. Дыхание участилось, грудь заходила ходуном.

– Пить!

И так же, как недавно среди волн, отчаяние наполнило тело новыми силами. Он выкарабкался из расщелины и полез, цепляясь руками и ногами, уже не деревянными, переползая через рухнувшие каменные опоры, которые никогда не держали ничего, кроме собственного веса, и поскользываясь в белесых лужах, покрывавших вершину скалы. Остановился наверху, на самой кромке, через которую попал сюда, и стал смотреть во все стороны, аккуратно переставляя нетвердые ноги. Одинокая чайка вспорхнула и унеслась прочь. Горизонт всюду был одинаковым, и понять, что сделан полный оборот, удалось лишь по очертаниям скалы. Еще один оборот...

Наконец он повернулся к вершине спиной и стал спускаться, на этот раз медленнее, осторожно пробираясь от одной выщербленной впадины к другой. Там, где заканчивались залежи белого птичьего помета, снова остановился и принялся шаг за шагом исследовать скалу. Присев на корточки и упершись в дно, он тщательно осмотрел каменистую поверхность каждой расщелины, бросая быстрые взгляды из стороны в сторону, словно следил за полетом мухи. Заметив на плоском валуне лужицу, крепко ухватился руками по обе стороны и приник к ней, пробуя языком и жадно всасывая драгоценную влагу, пока на валуне не осталось лишь мокрое пятно. Потом снова двинулся вперед. В стенке следующей расщелины оказалась горизонтальная трещина, где тоже скопилась вода. Он прижался к стенке лбом и, поворачивая голову и обдирая щеки, втиснул лицо в трещину, однако, как ни высовывал язык, дотянуться до воды не мог. Тогда он ухватился за зазубренный край и яростно дернул, потом еще и еще, пока камень не поддался. Вода выплеснулась и тонким слоем растеклась по дну расщелины. Руки сжимали отломанный кусок скалы, сердце колотилось в груди.

– Шевели мозгами, парень. Шевели мозгами.

Оглядев заваленный обломками склон, он продолжил поиски. Заметил в руках обломок камня, выбросил. Протискиваясь между валунами, наткнулся на заплесневевшие рыбы кости и дохлую чайку – ее грудная кость торчала кверху, как киль корабля, выброшенного на берег. Кое-где попадались пятна серовато-желтого лишайника, подушечки мха и даже клочки земли. Под ногами хрустели пустые крабы панцири, обрывки водорослей и клешни омаров. В нижней части скалы в нескольких выбоинах стояла вода – соленая. Он развернулся и взобрался вверх по склону, позабыв об игле и языках пламени. Старательно ощупал расщелину, в которой провел ночь, но она оказалась почти сухой. Каменная плита, давшая ему укрытие, была разбита надвое. Должно быть, здесь проходил вертикальный пласт породы, который уцелел от выветривания, а потом упал и раскололся. Большая часть упала поперек впадины у самого обрыва, одним концом перекрывая ее, а другим выступая над морем.

Он лег плашмя, немного передохнул и протиснулся в отверстие, подобно тюленю, который отталкивается хвостом и лапами. Низко опустил голову, и стал сосать, жадно причмокивая. Потом затих.

Место, где нашлась вода, напоминало небольшую пещеру. Дно канавы плавно уходило вниз, и с этого края лужа была совсем мелкой. Упавшая плита раздробила стенку с правой стороны, так что внизу можно было лежать, расставив локти. Крыша перекосилась, и дальний

край водоема оказался на виду. Сквозь небольшое отверстие сверху проникал дневной свет и виднелся клочок неба. Свет отражался в луже, отбрасывая на каменный свод дрожащие блики. Вода, хоть и пригодная для питья, удовольствия не принесла – словно напоминание о чем-то неприятном, но непонятно, о чем именно; она смягчала жажду, но не утоляла ее. Жидкости было предостаточно: лужа тянулась на несколько шагов и у дальнего края выглядела довольно глубокой. Он окунул лицо и стал втягивать влагу. Его полтора глаза, теперь привыкшие к свету, разглядели на дне красноватый илистый осадок, который легко поднимался к поверхности и висел, завиваясь кольцами. Некоторое время глаза отрешенно наблюдали за картинкой, потом задвигались губы:

– Помощь. Позвать.

Он рванулся назад, ударившись головой о свод пещерки. Выполз наружу, вскарабкался на вершину скалы и всмотрелся в линию горизонта, поворачиваясь по кругу. Встал на колени, опустил на четвереньки. Мысли вспыхивали и гасли в голове.

«Я не могу все время оставаться здесь, наверху. Не успею крикнуть, если покажется корабль. Нужно, чтобы кто-то стоял вместо меня. Сделать его, поставить. С борта заметят и подойдут ближе».

Руки нащупали трещину – рядом лежал отколовшийся кусок скалы. После долгой борьбы с непосильной тяжестью его удалось приподнять, но руки дрогнули, и плита со стуком упала. Он в изнеможении свалился рядом и какое-то время лежал не шевелясь, потом с усилием двинулся вниз, туда, где вчера промывал глаз: там валялись обломки поменьше. Нашел покрытый коркой камень, лежащий в белой луже, прижал его к животу, проковылял несколько шагов. Пошатнулся, уронил, поднатужился... наконец, донес, сбросил на кромку скалы над самой воронкой и вернулся назад. Над стенкой расщелины нависал еще один подходящий камень, похожий по форме на чемодан. Сообразив, что делать, он уперся ногами в противоположную стенку и налег на камень плечом. Тот скрипнул, сдвинулся с места. Еще толчок. Валун скатился в следующую расщелину и раскололся. Побелевшие губы искривились в мрачной улыбке, руки приподняли больший кусок и привалили к наклонной стенке, а затем принялись толкать и тянуть со стороны на сторону, перекатывая камень вверх по склону скалы и перетаскивая через более крупные обломки.

Теперь наверху лежало уже два валуна, один из них со следами крови. Взгляд на горизонт, и новое путешествие вниз по склону. Вдруг он остановился, потрогал лоб и внимательно посмотрел на ладонь. Крови там не оказалось. Губы шевельнулись.

– Вспотел. – Голос прозвучал безжизненно и хрипло.

Третий камень поднять не получилось, и пришлось катить его по дну впадины – туда, где стенка опускалась ниже. Когда обломок наконец присоединился к двум другим, руки были совершенно разбиты. Опустившись на колени рядом с камнями, он посмотрел вдаль. Облаков стало меньше, сквозь них тускло пробивалось солнце. Он растянулся на трех камнях, не обращая внимания на причиняемую ими боль. С южной стороны скалы падали солнечные лучи, освещая левое ухо.

Собрав последние силы, он водрузил второй валун на третий, а первый – на второй, потом сел, прислонившись к ним спиной. Высота пирамиды достигала почти двух футов. Горизонт был пуст, море спокойно, бледный солнечный диск казался нарисованным. На расстоянии броска камня над водой кружила чайка: ее плавные белые очертания выглядели совершенно безобидно. Он прикрыл больной глаз ладонью, давая ему отдохнуть, но долго удерживать руку в таком положении оказалось не под силу. Рука упала на колено. Стараясь забыть про глаз, он попытался думать.

– Поесть!

Он вскочил на ноги и стал спускаться, перебираясь через расщелины. В самом низу берег замыкали утесы высотой в несколько футов, а за ними из воды торчали отдельные скалы,

до которых пока было не добраться. Грубые и шероховатые стены утесов на всю глубину, насколько мог разглядеть здоровый глаз, покрывала корка из раковин, объединенных клейкими выделениями в обширные колонии. Подсохшие желтоватые блюдечки и разноцветные морские слизи пережидали отлив, прижавшись к скале. Каждая раковина сидела в углублении, выкрошенном присоской. В паутине зеленых водорослей гроздьями висели синеватые мидии. Он оглянулся. Скалы поднимались кверху, к пещере с водой – плита, служившая крышей, торчала высоко над морем, словно трамплин для прыжков. Ниже линии прилива камни посинели от множества мидий. Он осторожно спустился и обследовал ближайший утес. Под водой запас пищи выглядел еще богаче, поскольку внизу мидии были крупнее, а по ним ползали морские слизи. Среди блюдечек, мидий и слизней, похожих на разноцветные блестящие леденцы, комками красной слизи приткнулись анемоны. Они разевали под водой рты в виде круга из лепестков, а наверху, в ожидании прилива, сжимались и опадали, как женские груди, из которых ушло молоко.

Голод невидимыми руками стиснул желудок. Рот заполнился слюной, горло перехватило, как от сильного потрясения. Человек висел на осклизлой стене, прислушиваясь к плеску воды о камень, к легким перестукам и шорохам, исходящим от цветущей, хоть и не вполне растительной, подводной жизни. Ощупав пояс, нашел ремешок, дернул его и поймал нож. Поднеся ко рту, зажал зубами лезвие и раскрыл, потом воткнул острие под одно из блюдечек. Оно сжалось с такой силой, что, поворачивая лезвие, он почувствовал сопротивление сократившихся мышц. Оставил нож болтаться на ремне, подхватил падающее блюдечко и повертел в руке. Овальная коричневая ножка стремительно втягивалась внутрь, створки раковины сходились, полностью закрывая просвет.

– А, черт!

Он отшвырнул блюдечко – раковина ударилась о воду и подпрыгнула, по воде пошла рябь... Некоторое время он глядел, как блюдечко, белея в воде и покачиваясь, скрывается из виду. Потом снова взялся за нож и атаковал поверхность утеса, рассекая гущу моллюсков. Они умирали один за другим, испуская желтоватую жидкость, напоминающую мочу. Нож задел один из анемонов, и красноватая слизь тут же сжалась, превратившись в тугую массу, которая в ответ на прикосновение стрельнула в глаз едкой соленой струей. Закрыв нож о скалу, он вскарабкался обратно и уселся, прислонившись спиной к трем камням – двум обломкам и третьему, верхнему, покрытому коркой.

По телу внезапно пробежала дрожь. Подтянув колени к груди, он упал набок, прижавшись щекой к скале. Тело сотрясалось и корчилось под отсыревшей одеждой, губы тряслись, выдавливая хриплый шепот:

– Не сдаваться... Только не сдаваться...

То ползком, то вставая на четвереньки, он двинулся вниз. Камни на берегу не годились, но он отыскал подходящий по форме под водой и поволок на вершину к остальным. Снял верхний камень, хорошенько укрепил новый, а затем поставил прежний, покрытый коркой, на самый верх. Два фута шесть дюймов.

– Надо... Надо!

Теперь он спускался по склону с противоположной стороны скалы, не обросшей мидиями. Здесь стена поднималась уступами, на которые набегали волны. В темной воде колыхались длинные водоросли, похожие на широкие ремни, которыми перевязывают чемоданы со сломанным замком. У поверхности бурые ленты сплетались, сворачивались кольцами, или стояли в воде вертикально и медленно шевелились, словно щупальца или языки. Еще ниже не было ничего, кроме черной воды, уходящей в глубину, к самому дну бескрайнего моря. Отводя глаза от бездны, он стал пробираться вдоль уступа, но скала повсюду была прочной, без отколовшихся кусков. Лишь в одном месте по поверхности шла трещина, но как ни давил он на камень босыми ногами, сдвинуть не сумел. Неуклюже развернувшись, он пополз назад,

нашел внизу еще несколько обломков и один за другим перенес наверх. Пошарил в расщелинах, собрал кусочки желтоватого кварца, за которыми тянулись водоросли, похожие на зеленые волосы, отнес добычу к фигуре на вершине и сложил горкой вокруг камня основания. Некоторые кусочки, не крупнее картофелины, он вбивал в щели между большими камнями, пока верхний не перестал шататься. Поверх остальных он уложил еще один камень, размером с голову.

Три фута.

Он отступил на шаг и взглянул на грудь. Солнце уже опустилось ниже ее верхушки. Он с удивлением присмотрелся, стараясь точно определить, где находится запад. Заметил отколотую скалу, спасшую ему жизнь, и чаек, парящих сразу за линией прибоя. И снова направился вниз, туда, где отодрал от скалы блюдечко. Болезненно скривился, зажал живот кулаками, отколупнул несколько комков красноватой слизи и, брезгливо отворачиваясь, сложил их в кучку на кромке утеса. Помедлив, внимательно изучил добычу взглядом полутора здоровых глаз. Комки напоминали горсть леденцов, с той лишь разницей, что анемоны чуть заметно шевелились, истекая прозрачной жидкостью. Отвернувшись, он присел на край скалы. Лицо искажилось, как от боли.

– Будь оно все проклято!

Нашупав один леденец, он поспешно запихнул его в рот и с усилием проглотил, содрогнувшись всем телом. Взял еще один, проглотил и как можно быстрее засунул в рот следующий. Заглотив все, напряженно замер, удерживая комок в горле, потом расслабился, тускло улыбаясь. Опустил взгляд – у мизинца левой руки в лужице воды лежал еще один шевелящийся комок. Зажав рот ладонью, он с трудом подавил позыв рвоты и кинулся к заветной пещерке.

Со дна лужи кругами поднималась красноватая муть, вдоль кромки воды протянулась рыжая полоса шириной с палец. Успокоив желудок несколькими глотками странной воды, он задом наперед выбрался из расщелины наружу. Над скалой кружили чайки. В его взгляде сверкнула ненависть.

– Я вам не достанусь!

Он снова взобрался на вершину скалы, где стоял каменный гном в три фута высотой. Осмотрелся – на горизонте ни пятнышка.

– Воды мне хватит, – проговорил он, облизывая губы.

Задумчиво посмотрев на торчащую над обрывом каменную крышу, которая прикрывала пресную лужу, он не торопясь спустился и заглянул под плиту. Со стороны моря выход из расщелины перегораживало беспорядочное нагромождение каменных обломков. В мутном окне ослабшего зрения красная муть все так же клубилась, сворачиваясь в кольца. Должно быть, ил и слизь, залепившие щели между наваленными камнями, не давали воде вытекать. Перед глазами возник скрытый лабиринт извилистых ходов и трещин, которые время закупорило густым красным осадком, сохраняя пресную воду, хотя ей давно пора было смешаться с соленой; закупорило так ненадежно, что малейшее прикосновение – и необходимый источник жизни безвозвратно иссякнет...

– Даже не думай!

Он развернулся и принялся заталкивать тело в ночное укрытие. Забрался на этот раз почти с головой, плотно забив свободное место тяжелой сырой одеждой. Вытянул, как мог, рукава бушлата из-под задубевшего плаща и зажал в кулаках, прикрывая кисти рук толстой ворсистой тканью. Спасательный пояс надежно защищал грудь и горло. Положив руку под голову, он лежал, вздрагивая от вечернего холода. Солнечный свет померк, зеленоватое небо стало темно-синим, чайки кругами опускались на скалу. В промежутках между приступами дрожи тело обретало желанный покой, но глаза с тревогой вглядывались в темноту. Губы вновь шевельнулись:

– Даже не думай!

Чайка на скале вострепенулась и застыла неподвижно.

5

На этот раз провалиться во тьму не удалось – он вновь заполнял каждый уголок своего тела. Затуманенное сознание отмечало, как возвращаются силы; холод и боль не просто чувствовались, но и вызывали раздражение. Апокалиптические видения и голоса прошлой ночи сменились жалобами истерзанной плоти. Игла, засевшая в глазу, притупилась и больше не позволяла сосредоточиться на себе одной, отринув все остальные ощущения. Он беспрерывно потирал одной ногой о другую и прижимался боком к каменной плите, чтобы укрыться от холода, тут же обнаруживая, что другой бок требует не меньшего внимания. Отрывал от жесткого одеревеневшего ложа погруженный во тьму костяной шар, в котором жил, и укладывал другим полушарием вниз.

Между нынешней ночью и предыдущей было еще одно отличие. Пламя утихло, но костер все еще тлел, а время и прибывающие силы позволяли это заметить. Оцепенение сменилось постоянным напряжением, словно тело безжалостно растягивали. Скала, на которой оно лежало, также доставляла неприятности. То что прежде, в состоянии предельного изнеможения, казалось гладкой поверхностью, имело множество неровностей. Неровности становились острыми выступами; неудобство переходило сначала в тупую, а затем в острую боль, которая, в свою очередь, оборачивалась новыми языками пламени – их терпеть было уже нельзя. Боль удавалось превратить в неудобство, чуть приподняв бедро; затем он снова ложился и ждал в темноте, пока все повторится – неудобство, ноющая боль, что сменялась болью мучительной, и наконец, жар пламени.

Теперь, когда окно во внешний мир погасло, промежутки между приступами боли стали заполняться голосами и навязчивыми образами. Смутно мерещилось солнце, проплывающее по ту сторону огненных недр земли... Впрочем, оба источника тепла были слишком далеко, чтобы согреть тело. Он видел красный ил, задерживающий пресную воду, две горсти красных леденцов, пустой горизонт.

– Я буду жить!

Солнце там, внизу, ползло, как улитка. Земля вращается вокруг него – или вокруг своей оси? Сколько же бесконечных месяцев придется терпеть, прежде чем яркие весенние лучи согреют тело? Он следил за долгим движением далекого светила, потеряв ощущение реальности. Солнце виделось под разными углами, сквозь окна проходящих поездов или над сельским горизонтом. Плавающий в небе огонь мешался в сознании с другими огнями – на полях, в садах, за решеткой камина. Последний оказался самым настойчивым. Камин находился в комнате, хорошо знакомой. Время и слова что-то значили, это было почему-то важно.

В кресле напротив сидела долговязая тощая фигура, глаза из-под черных кудрей глядели вверх, словно изучая справочник, раскрытый на потолке.

– Для таких, как мы, небеса – ничто. Чистое отрицание. Безвидны и пусты. Понимаешь? Словно черная молния разрушает все, что зовется жизнью.

– Нет, не понимаю, – самодовольно рассмеялся он, – да и какая разница, но на твою лекцию я приду. Нат, дорогой, ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

Собеседник осторожно взглянул на него.

– Я тоже. То есть тоже рад тебя видеть.

– Что-то мы с тобой расчувствовались. Как-то это не по-английски.

Еще один внимательный взгляд.

– Думаю, лекция будет кстати. Я вижу, ты несчастлив?

– Так или иначе, небеса меня не интересуют. Плеснуть тебе чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

Натаниэль поднялся из кресла, неуклюже взмахнул руками и задумчиво уставился в никуда. Обведя взглядом комнату, он подошел к стене, оперся костлявым задом о книжную полку и вытянул свои непомерные ходули, широко расставив их на полу. Наконец он обрел относительную устойчивость и поднял глаза на справочник.

– Это можно назвать беседой о том, как умирать.

– Ты умрешь намного раньше меня. Вечер холодный, а как ты одет?

Натаниэль бросил взгляд в смеющееся окошечко, потом на себя.

– Правда? Да, наверное.

– А я собираюсь прожить чертовски долгую жизнь и получить от нее что хочу.

– Что именно?

– Много чего.

– Но ты несчастлив...

– Да что ты пристал? Кто бы говорил!

– Между нами существует какая-то связь. Что-то должно случиться, что-то нам обоим предназначено. Тебе дано выдержать многое...

– Ради чего?

– Чтобы попасть на небеса.

– В ничто?

– Научиться умирать.

– Нет уж, спасибо. Не будь ребенком, Нат.

– Ты сможешь, я...

Лицо Ната вдруг изменилось: щеки болезненно вспыхнули, глаза широко раскрылись и надвинулись.

– Я... у меня предчувствие. Пожалуйста, не смейся. Такое ощущение... что я знаю. – Нат перевел дыхание. Длинные ноги шаркнули по полу. – Я знаю, как важно именно тебе узнать про небеса... понять, что это значит. Пройдет несколько лет...

В комнате воцарилась тишина. Двойная – звон колоколов за окном внезапно стих, словно все звуки прекратились одновременно с голосом. Горящая сигарета злобным жалом вонзилась в руку, боль стрельнула в руку, вспыхнула внутри костяной сферы. Вскрикнув, он отшвырнул окурки и растянулся на полу, шаря под креслом и отдавливая бока о твердую поверхность. Недосказанные слова звенели в ушах, сердце колотилось от внезапного ужаса понимания.

– ...и ты умрешь.

– Придурок! – в страхе и ярости выкрикнул он. – Чертов кретин!

Слова эхом отозвались в расщелине, голова дернулась, помятая щека оторвалась от клеенчатого рукава. Уже совсем рассвело – вокруг солнечный свет и гомон чаек.

– Хрен вам, не дождетесь!

Он поспешно выкарабкался из щели и поднялся во весь рост. Море и небо были темно-синими, солнце стояло высоко, и его отражение в воде уже не слепило. Ощувив на лице горячие лучи, он потер заросшие щетиной щеки, быстрым взглядом окинул горизонт и спустился в соседнюю впадину. Стыдливо оглянувшись, занялся застегиванием брюк и вдруг, впервые с тех пор как очутился на скале, разразился хохотом, ломая застывшую маску лица. Затем поднялся к каменному гному на вершине и стал мочиться, направляя струю в море, словно из шланга.

«Уважаемых посетителей просят оправиться перед уходом».

Повозился с пуговицами плаща, с яростью сдернул его. Потянул за тесемки под бушлатом, развязал спасательный пояс, сбросил с себя то и другое. Свалил в кучу тяжелую намокшую одежду и постоял, рассматривая полоски золотого шитья на рукавах, блестящие пуговицы, черную ворсистую ткань кителя и брюк. Затем скинул остальное – китель, шерстяной свитер, рубашку, длинные гетры, нижнее белье – и осмотрел свое тело.

Ноги настолько разбухли от воды, что их было трудно узнать. Разбитый большой палец почернел от ушиба и засохшей крови. Колени сплошь в синяках и ссадинах, с содранной кожей. На правом бедре зловеще синело пятно, словно кто-то приложил к нему руку, испачканную краской. Правый локоть распух и онемел, вокруг виднелось еще несколько синяков. Все тело покрылось пятнами кровоподтеков. Он ощупал щетину на лице. Правый глаз заплыл, щека была горячей и твердой.

Грубая ткань настолько пропиталась влагой, что отжать ее удалось лишь придавив один край ногой и работая обеими руками. Прюделав это со всеми вещами, он разбросал одежду сушиться на солнце. Усевшись рядом с каменным гномом, пошарил в кармане кителя и достал пачку размокших документов и коричневую книжечку. Краска, потекшая с корочек, покрыла остальные бумаги словно бы ржавчиной.

Разложив документы вокруг, он принялся за другие карманы. Нашел две монетки по пенсу и одну в два шиллинга, сложил их стопкой на скале. Вытащил из кармана плаща нож с прикрепленным к нему ремешком и повесил через плечо. Нашупал небольшой диск, свисавший с шеи на шнурке, подергал его, криво ухмыляясь, потом поднялся и стал пробираться по камням к запруде с пресной водой. Протиснулся в дыру, наклонился – со дна поднимались красноватые кольца, напоминая о другом конце впадины, перегороженной камнями и закупоренной илом. Затаив дыхание, он осторожно отодвинулся, вылез наружу и стал спускаться к морю, преодолевая барьеры и каналы. Вода стояла низко, и поверхность утесов кишела живым студнем в ракушечных доспехах. Прямо под ногами, вблизи самой кромки, пицца подсохла и что-то бормотала, шурша и потрескивая. Морщась от боли, он стал спускаться вниз, перебираясь от одной точки опоры к другой и натываясь на острые края ракушек. Мидии никак не хотели отрываться от скалы, пришлось с силой выкручивать и выдирать их, словно кости из суставов, обрывая сухожилия. Он забрасывал ракушки вверх, и они со стуком падали на скалу. Зависнув над волнами, он усердствовал, пока ноги не задрожали от напряжения, потом взобрался на утес, передохнул и снова спустился. Некоторые ракушки достигали четырех дюймов в длину. Задыхаясь от усталости, присел на скалу и занялся разбросанным вокруг уловом. Мидии совсем не походили на нежные красные леденцы – створки раковин были крепко сжаты, точно склеены, не пропуская лезвие ножа. Положив ракушку на скалу, он колотил по ней рукояткой ножа, пока не треснул панцирь. Извлек слоистое содержимое и отвернулся, глядя на море.

– Ничего, в Бельгии едят.

Он заглотнул мякоть. Сжав зубы, взял следующую ракушку. Вскоре на высохшем камне лежала целая кучка желтовато-белой водянистой плоти. Он смотрел на горизонт и усиленно работал челюстями, дергая заплывшим правым глазом. Пошарил вслепую, обнаружил, что кучка иссякла, спустился с утеса и набрал еще. Вскрывая ракушки резкими точными ударами, он покончил с мидиями, оторвал от скалы еще несколько красных леденцов, бросил в рот. Сжевал пучок водорослей, словно лист салата. Зеленое, красное – какая разница. Вернувшись к луже с пресной водой, он протиснулся в щель и какое-то время лежал, глядя на дрожащие блики отраженного света. Осторожно смочил губы, так что слой красного ила едва шевельнулся, и снова лег. Потом выбрался из дыры, вскарабкался на вершину скалы и оглядел горизонт – ровная четкая линия, ни единого пятнышка.

Документы еще не просохли, но он поднял коричневую книжечку и раскрыл. Внутри, под прозрачной пленкой, смутно виднелась фотография: аккуратная прическа, уверенная улыбка, белый шелковый шарф... Мелкие детали исчезли. Молодой человек, чья улыбка едва пробивалась сквозь туман и пятна, был так же далек, как прадеды и прабабки на древних фотоотпечатках, подцвеченных сепией.

Он старался разглядеть черты, которые скорее помнил, чем видел. Угадывая под улыбкой на снимке гладкую кожу, притронулся к заросшей щеке, пригладил сваявшиеся волосы,

осторожно ощупал распухшее веко. Рядом с фотографией виднелась надпись, но совсем смазанная и размытая. Он положил книжечку обратно и снова нащупал диск на шнурке. Потянул за него, подняв к здоровому левому глазу, и немного отвел, чтобы прочесть.

КРИСТОФЕР

ХЭДЛИ

МАРТИН

Мл. лейт., Резерв ВМС

Англиканец

Он разбирал надпись по буквам, шевеля губами. Потом, уронив диск, посмотрел на разбитые колени с белой коркой соли, на волосатый живот – и удивленно произнес хриплым голосом:

– Кристофер Хэдли Мартин. Мартин. Крис. Это же я!

Он вырвался наконец из костяной сферы черепа, вступив во владение всем телом. Он снова существует – всплыл на поверхность оживших глаз, обрел воздух и свет. Сверху падают солнечные лучи, внизу искрится море. Под ногами твердая скала, покрытая белыми слоями птичьего помета, реальная точка в океане, имеющая широту и долготу. Здесь вдоволь пресной воды и моллюсков, а за горизонтом проходят настоящие корабли. Он быстро поднялся на ноги и побрел вокруг скалы, переворачивая разбросанную на солнце одежду. Понюхал трусы, рассмеялся. Вернулся к документам, поворошил их. Поднял монеты, подбросил в руке и уже собирался было зашвырнуть в море, но остановился.

– Слишком театрально.

Он посмотрел на спокойное море.

– Я из себя героя не строю. Но у меня есть здоровье, образование и разум. Меня так просто не возьмешь.

Море не ответило. Он глуповато ухмыльнулся.

– Настоящим удостоверяю свою решимость выжить... Говорю сам себе, ясное дело. – Он окинул взглядом скалу. – Первым делом надо обследовать владения.

Скала из неведомого острова превратилась просто в скалу. В лучах солнца, когда мучительный холод отступил, ее можно было не только увидеть, но и понять. Загадочные впадины представляли собой выветренные концы вертикальных пластов, а стенками служили уцелевшие слои более прочной породы. Когда-то, под действием внезапных судорог земных недр, сдавленный и разогретый слой первобытных отложений прорвался, и его обломок вознесся вверх, вспарывая ил и глину, словно растущий зуб, прорывающий мякоть десны. Менее спрессованные слои постепенно разрушились, превратившись во впадины с зазубренными краями, похожие на истрепанные книжные страницы. Стенки кое-где разрушились, и их куски разбросало по дну впадин. Скалистый склон уступами спускался вниз, расщелина за расщелиной, с запада на восток.

Стены отвесных утесов подточила вода, их разъели в кружево обширные колонии живых организмов. Вершину скалы устилала затвердевшая белая масса, покрытая зловонной водой, а ниже – там, где синели ракушки разбитых мидий, – поверхность оставалась чистой или была облеплена моллюсками и водорослями. Дальше шла полоса мелководья, за ней торчала скала поменьше, потом еще одна и еще несколько, вытянувшиеся в слегка изогнутую линию, за которой отмель заканчивалась, и море круто поднималось вверх, встречаясь с небом.

Мрачно глядя в гряды скал, он поймал себя на мысли, что видит в них зубы. Вот они, один за другим возникают из челюсти... нет, не так – опускаются, вернее, сглаживаются в бесконечном, медленном движении. Старые зубы, коренные, совсем стертые за ту вечность, в течение которой перемалывали то, чем питаются скалы.

Он в раздражении помотал головой. Дыхание перехватило от внезапной боли в шее.

– Нет, такой долгий процесс не может иметь отношения к...

Слова оборвались, он взглянул в небо, оглянулся через плечо. Повторил:

– Такой долгий процесс...

В звуках, вылетающих изо рта, слышалось что-то странное, и дело было вовсе не в хрипоте от возможной простуды или надрыва голоса.

Он громко пропел:

– *Alouette, gentille Alouette...*

Потом, зажав нос пальцами и надув щеки, попытался прочистить уши, но ожидаемого щелчка не последовало. Глаза болели и слезились. Он нагнулся, упиравшись руками в избитые колени, сильно потряс головой. Не обращая внимания на боль в шее, покрутил ею изо всех сил, в надежде почувствовать воду в ушах.

Выпрямился и, повернувшись к широкой морской глади, спел гамму:

– Ла-ла, ла, ла, ла, ла ла-ла!

Звук замер во рту.

Встав в позу, продекламировал:

– Усталый месяц с фонарем в руке в дверях рассвета топчется в тоске...

Слова, дрожа, растворились в пустоте. Он поднес руку ближе к лицу.

– Проверка. Проверка. Принимаю тебя, сила...

Сомкнув губы, медленно опустил руку. Небесный свод, синий, как в ледяном эскимосском иглу, ушел ввысь, видимое пространство раздвинулось скачком. На крошечную скалу посреди Атлантики набегали океанские валы. С внезапно напрягшимся лицом он шагнул между разбросанными бумагами.

– Боже мой!

Он вцепился в каменного гнома и прижался к его сгорбленным плечам, раскрыв рот и уставившись в пространство. Сердце колотилось так, что вздрагивала кожа между ребрами. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

Раздался скрежет. Каменная голова гнома отвалилась и с грохотом покатила с утеса вниз. Шумно плеснула вода.

Бормоча проклятия, он спустился по склону вниз, схватил первый попавшийся камень и попытался отволочь наверх, но сдвинул всего на пару шагов. Чертыхаясь, рухнул на камень. В пределах досягаемости не было ничего подходящего. Он кинулся на вершину и замер, в ужасе глядя на обезглавленную пирамиду. Спустился обратно к неподъемному камню и принялся за него всерьез, ворочая с боку на бок и расчищая путь к вершине. Тело совсем выбилось из сил, руки кровоточили. Наконец, обливаясь потом среди раскиданных бумаг, он разобрал гнома и установил на новом камне, который в конечном счете оказался не таким уж тяжелым для человека с образованием, разумом и волей.

Четыре фута.

Он затолкал в щели твердые белые картофелины.

– В зарослях крапивы опасностей мы сорвем...

Воздух впитал голос, как промокательная бумага.

Держись.

Образование и разум.

Стоя рядом с гномом, он снова заговорил, словно перед недоброжелательной аудиторией, не считаясь с тем, внимают ему или нет.

6

Конечная цель – спасение. А для этого как минимум надо выжить. Необходимо поддерживать в теле жизнь, дать ему воду, пищу и укрытие. Хорошо или плохо у меня выходит, главное, чтобы вообще что-нибудь получалось. Пока нить жизни не оборвалась, она будет связывать будущее с прошлым, несмотря на эту страшную паузу. Таков пункт первый.

Пункт второй: надо быть готовым к болезням. Подвергая тело лишениям, нельзя ждать, что оно, бедное, станет вести себя как в уютном гнездышке. Нужно быть начеку и реагировать на первые признаки недомогания.

Пункт третий: следить за психикой. Не дать безумию застать меня врасплох. Уже сейчас, в любой момент, могут появиться галлюцинации. Вот где начинается настоящая борьба – надо говорить вслух, даже если ничего не услышу. В обычной обстановке беседа с самим собой – признак сумасшествия, но здесь это доказательство сохранения личности.

Пункт четвертый: без моей помощи меня не спасут. Главное – оставаться на виду. У меня нет даже палки, чтобы нацепить на нее рубашу, а они могут пройти мимо скалы и даже бинокль на нее не наведут. Но если посмотрят, то увидят Гнома, сообразят, что кто-то его сложил, и заберут меня. Остается только выжить – и ждать. И не терять чувства реальности.

Он твердо взглянул на море и тут же обнаружил, что снова смотрит через окно, находясь внутри собственного тела в верхней его части. Оконный просвет был ограничен сверху надбровными дугами и разделен на три проема двумя прозрачными очертаниями носа. Правый просвет тонул в тумане, а внизу все три сливались воедино. Если опустить взгляд, то сквозь щетинистую изгородь небритой верхней губы виднелась скала. По сторонам окна разливалась непроницаемая тьма, заполняя все тело. Он подался вперед, пытаясь выглянуть за пределы окна, но окно тоже наклонилось. Насупив брови, он на мгновение изменил форму рамы, поочередно направил трехстворчатое окно во все стороны горизонта, потом мрачно произнес:

– Обычное дело, ничего особенного.

Решительно потрянув головой, он принялся за работу. Обратил окно на собственное тело и придирчиво оглядел кожу. Над шрамами появились большие розовые пятна.

– Обгорел на солнце!

Схватил нижнюю рубашку, натянул на себя, потом трусы. Тонкая ткань почти высохла. Прозрачные окна вновь стали обычным полем зрения. Он подобрал бумаги, сложил в удостоверение личности и спрятал все в карман бушлата, потом прошелся, проверяя, высохла ли верхняя одежда. На ощупь она казалась не столько сырой, сколько тяжелой, отжимать было уже нечего, и пальцы оставались сухими, но в тех местах, где она лежала, на камнях оставались влажные следы, медленно исчезающие на солнце.

– И зачем только я скинул сапоги... – Промокательная бумага жадно впитала звуки.

Он опустился на колени и стал осматривать плащ. Потом вдруг вспомнил о карманах. Вытащил клеенчатую шляпу зюйдвестку, с которой стекала вода, и вязаный шлем. Разглядил их, отжал как следует и разложил на камнях, затем, напрягшись в ожидании, принялся за другой карман. Пошарив поглубже, нашел позеленевший полупенсовик, обрывок веревки и скотканную обертку от шоколада. Очень осторожно развернул фольгу, однако внутри ничего не оказалось. Он вплотную приблизил лицо к блестящей серебряной обертке, скопил глаза и пригляделся: в одной из складок уцелела коричневая крошка. Он высунул язык и лизнул. Мгновенное, почти болезненное ощущение сладости вспыхнуло и исчезло.

Прислонившись к Гному, он натянул носки. Закатал верх толстых гетр – сойдут вместо обуви.

Он откинул голову и закрыл глаза. Солнце светило через плечо, внизу плескалась вода. В голове проносилась череда образов, звучали голоса. Он ощущал все признаки сонливости,

но провалиться в глубокий сон никак не получалось. Существо в центре сферы не знало усталости.

– Сейчас бы вытянуть пинту-другую, поесть горячего – да в кровать, на чистые простыни. Нет, сначала – горячую ванну...

Молчание. Существо внутри перескакивало с мысли на мысль. Вспомнив, что речь подтверждает целостность личности, он зашевелил губами:

– До тех пор пока я всего этого хочу, но не слишком невыносимо, пока могу сказать себе, что я один на скале посреди Атлантики и должен выжить, я продержусь. В конце концов, в отличие от кретинов с кораблей Его Величества мне ничто не угрожает. Они понятия не имеют, когда взлетят на воздух, а эта скала... хотел бы я посмотреть, кто сумеет сдвинуть ее хоть на дюйм.

То что не могло познать себя, продолжало метаться во тьме.

– Что ж, в конце концов, днем спать ни к чему. Оставим сон для кошмарных ночей.

Он резко встал и окинул взглядом горизонт.

– Время поесть. Одеться к обеду.

Скинув закатанные гетры, он надел все, кроме бушлата и плаща, потом натянул гетры поверх брюк, до самых колен. Огляделся и вновь заговорил:

– Это место я назову Наблюдательный пост. Здесь стоит Гном. Та скала на солнце, к которой я приплыл, – скала Спасения. Место, где я добываю мидий и все прочее, будет Столовым утесом. Обедаю я в «Красном льве». Южный утес, где пучки водорослей, – Панорамный, а тот, западный, с воронкой...

Он замолчал, подбирая название. Чайка, парящая в лучах солнца, приблизилась, увидела две фигуры, стоящие на Наблюдательном посту, пронзительно крикнула, легла на крыло и унеслась прочь. Потом вернулась, нырнула вниз и пропала внутри утеса. Он подошел к краю и заглянул внутрь. С левой стороны вниз обрывался гладкий, почти вертикальный спуск, переходящий в воронку. Справа часть стены скрывал выступающий угол верхней площадки. Он опустился на четвереньки и заглянул туда. Утес просматривался еще немного, затем пропадал из виду. Ближе к подножию скалу снова было видно. На солнце блеснуло птичье перо.

– От скалы отвалился кусок.

В глубине воды угадывались твердые угловатые очертания. Он отодвинулся от края и выпрямился.

– Утес Птичий.

На горизонте было по-прежнему пусто.

Он спустился по скале вниз, к «Красному льву».

– Вспомнить бы название всего рифа. Капитан сказал «почти в точку» и засмеялся. Так и вертится на языке... А еще нужно придумать название для перехода между Наблюдательным постом и «Красным львом». Пускай будет Хай-стрит.

Скала потемнела. Он оглянулся: солнце опустилось за пирамиду, и она казалась сказочным великаном. Он направился к Столовому утесу, облепленному ракушками. Распластавшись, повис, опустившись к волнам, и выкрутил несколько мидий. Начался прилив, раковины пришлось доставать из-под воды. Вскарabкался обратно и принялся за еду. Огромный черный силуэт скалы расплылся на фоне вечернего неба. Нависшая тень казалась гигантской, как горный пик. Он поглядел в другую сторону, где в темном море торчали три скалы поменьше.

– А вас, скалы, я нарекаю Оксфорд-серкус, Пиккадилли и Лестер-сквер!

Он направился к пещере с питьевой водой и заполз внутрь. В отверстие наверху, у дальнего края лужи, все еще проникал слабый свет. По воде пробежала едва заметная рябь, но красные кольца были уже невидимы. Он осторожно нащупал пальцем илистое дно.

– Ничего, дождь еще будет.

И вдруг резко отпрянул. В пещере был кто-то еще. Чужой голос что-то сказал, почти одновременно с ним. Звук исходил от воды и от каменной плиты.

Сердце утихло. Способность рассуждать вернулась и он понял, в чем дело. Обычное эхо, так давно не слышанное, почти позабытое. Стало быть, здесь, в замкнутом пространстве, его голос звучит в полную силу? Помолчав, он сосредоточился и произнес:

– Дамы и господа, здесь, внутри, цельность личности не вызывает сомнений... – Резко умолк и прислушался.

– ...мнений.

– Дождь будет.

– ...будет.

– Как поживаете?

– ...аете?

– Я выживу. Опутаю названиями все вокруг и приручу это место. Кто-то, может, и не понял бы, как это важно. Название налагает печать, заковывает в цепь. Я не подчинюсь здешним правилам, напротив, навяжу свои. Здесь мой распорядок, моя география. Все будет звучать по-моему. Пусть мои слова не звучат снаружи, буду разговаривать здесь, где звуки имеют значение, подтверждая, что я существую. Я соберу дождевую воду и сохранию ее здесь. Использую свой мозг как инструмент, и добьюсь всего, чего хочу – удобства, безопасности. Добьюсь, что меня спасут... Итак, завтрашний день объявляется днем размышлений!

Он вылез из пещеры, вскарабкался по Хай-стрит на Наблюдательный пост и остановился рядом с Гномом. Напялил на себя всю одежду, натянул мокрый шлем, водрузил на голову зюйдвестку и застегнул ремешок под подбородком. Быстро оглядел горизонт, прислушался к слабому шуму, доносящемуся из невидимого гнезда на Птичьем утесе, и снова спустился по Хай-стрит к своей спальне. Сел на стенку у входа и обмотал ноги свитером. Затем, извиваясь, втиснулся внутрь, расправляя руками плащ и бушлат, туго надул спасательный пояс и завязал спереди тесьмой. Получилась достаточно большая и мягкая подушка. Положив голову в зюйдвестку на подушку, он дюйм за дюймом втиснул в щель руки, вытянув их вдоль тела, и произнес, глядя в небо:

– Насушу водорослей и выложу ими постель. Устроюсь, как блоха в ковре.

Он закрыл глаза.

– Так. Теперь расслабить мышцы, по очереди, одну за другой...

Сон можно внушить, как и многое другое.

– Трудно обустроиться на голой скале, столько всего нужно сделать. Ничего, зато не скучно.

Сначала мышцы ног.

– Будет о чем порассказать! Неделя на скале. Лекция по технике выживания, читает лейтенант... А почему бы не капитан-лейтенант или старший помощник? Ордена и все прочее...

«Итак, прежде всего надо помнить, что...»

Глаза вдруг широко распахнулись.

– А сам и не вспомнил! Напрочь забыл! Почти неделю не опорожнялся, с тех самых пор, как свалился с проклятого мостика. Ни разу!

Отвороты зюйдвестки прикрывали уши, и он не слышал, как странно звучит голос. Мысли продолжали вертеться вокруг работы кишечника. Перед глазами замелькали картинки: хром, фаянс и прочее. Вот он положил зубную щетку и смотрится в зеркало. Процесс еды необыкновенно важен, оттого и превращается в церемонию. Фашисты используют его для наказания, религия сделала обрядом, а для людоедов это и ритуал, и лекарство, и способ напрямую утвердить свою победу. Убил и съел. Впрочем, съесть можно и не так вульгарно. Можно пустить в ход и половой член, и кулаки, и голос – и даже подкованные ботинки. Покупать и продавать, плодиться и размножаться, наставлять рога – и всем этим поглощать, поглощать...

Кстати, о рогах. Он отвернулся от зеркала, затянул пояс халата и открыл дверь ванной. Навстречу двигался Альфред, как будто само слово «рога» заставило его материализоваться. Совсем другой Альфред – бледный, потный, дрожащий, он почти бежал. Занесенный кулак удалось перехватить. Он вывернул Альфреду руку, да так, что тот зашипел от боли.

– Привет, Альфред! – Он усмехнулся, вспомнив о всеобщем законе поедания.

– Паршивая свинья!

– А ты не суй нос куда не просят, коротышка.

– Кто там у тебя? Говори!

– Тихо, тихо, успокойся, зачем шуметь?

– Не притворяйся, что там кто-то другой! Мерзавец! Боже мой...

Они стояли у закрытой двери. По щекам крошки Альфреда текли слезы. Он потянулся к дверной ручке.

– Крис, скажи, кто она. Я должен знать, ради бога!

– Не переигрывай!

– А ты не делай вид, что там не Сибилла! Подонок, грязный вор!

– Хочешь взглянуть?

Икнув, Альфред попытался выдернуть руку.

– Значит... не она? Кто-то другой? Ты не врешь, Крис, честно?

– Чего не сделаешь ради старого друга. Гляди.

Дверь открывается. Сибилла, слабо вскрикнув, натягивает простыню до ушей, словно в постельной сцене из фарса... а впрочем, так оно и есть.

– Честное слово, Альфред, дружище, можно подумать, ты на ней уже женат...

Но процесс поедания как-то связан с китайской шкатулкой. Что еще за шкатулка? Гроб? Или несколько коробочек из слоновой кости, вложенных друг в друга? Так или иначе, китайская шкатулка что-то тут значила...

Он лежал, словно изваяние, раскрыв рот и удивленно таращась в небо. Отчаянная борьба и слюнявые всхлипы жалкого человечка все еще вызывали ответную реакцию набравшегося сил тела, зажатого в каменной щели.

Прочистив горло, он произнес:

– Где я, черт возьми, где я нахожусь? И где я был?

Он с трудом перевернулся и прижался щекой к спасательному поясу.

– Не могу уснуть.

Тем не менее сон необходим. Его недостаток сводит с ума. Он заговорил вслух, и спасательный пояс вздрогнул под челюстью.

– Значит, я спал и видел сон про Альфреда и Сибиллу. Надо опять заснуть.

Он умолк и задумался о сне, но мысли все время ускользали.

Надо думать о женщинах – или о еде. Подумай, как поедал женщин и мужчин, как с хрустом проглотил Альфреда, и ту девушку, и того паренька, продукт тупого и неудачного эксперимента. Лежи бревном и думай о прогрызенном до сих пор жизненном тоннеле, который так неловко прервался – на этой скале.

– Назову те три скалы... Зубы!

В тот же миг руки вцепились в спасательный пояс, мышцы отчаянно напряглись, сдерживая сильнейший приступ дрожи.

– Нет! Только не Зубы!

Зубы здесь, во рту. Он ощупал их языком: двойной барьер из кости, каждый на своем месте, знакомый и отдельный – как воспоминание, если подумать. Но лежать на гряде зубов посреди океана...

В отчаянии он переключился на размышления о сне. Сон приходит, когда исчезает контроль сознания, сортировщик мыслей. Тогда весь разрозненный мусор высыпается наружу,

как из бака, опрокинутого порывом ветра. Время перестает двигаться по прямой, вот почему Альфред и Сибилла оказались здесь, на скале, – и тот сопляк тоже. Или это примирение со смертью: полностью выключиться, признать распад личности, откровенно согласиться с тем, что мы всего лишь временные создания, слепленные на скорую руку и не способные выдержать гонку без ежедневной передышки, без ухода от того, что считаем нашим главным...

– Почему же я не могу уснуть?

Во сне мы прикасаемся к тому, о чем лучше не знать. Там вся наша жизнь, связанная в узел, сжатая в кулак. Там наша тщательно оберегаемая и лелеемая личность – единственное наше сокровище и в то же время единственная защита – должна умереть, раствориться в конечной истине. Черная молния испепеляет и разрушает все, превращая в абсолютное, неоспоримое ничто.

И вот я лежу здесь, закованный в клеенчатую броню, втиснутый в щель, кусок пищи для зубов, сточившихся за долгую жизнь этого мира.

– Боже мой! Почему я не могу уснуть?

Вцепившись в спасательный пояс, он приподнял голову, всматриваясь в глубину мрачного тоннеля, и прошептал, испытывая изумление и ужас:

– Я боюсь.

7

Освещение менялось, однако так медленно, что открытые глаза не замечали разницы. На самом деле они видели лишь нагромождение бессвязных картинок, которые появлялись как попало. Непонятное молчаливое существо все еще плавало в центре, но теперь оно, казалось, утратило способность отличать картинки от реальности. Время от времени приоткрывалась дверца в нижней части шара, покоившегося на подушке спасательного пояса, и из нее выходили слова. Фразы были разделены яркими блестящими картинками и сценами, в которых существо принимало участие и потому не могло точно знать, о чем идет речь.

– Я же говорил, что меня стошнит.

– Вода. Пища. Разум. Спасение.

– Назову их...

Блестящие картинки продолжали мелькать. Они все время менялись – не как облака, меняющие форму, а полностью, с внезапной сменой места и времени.

– Садитесь, Мартин.

– Есть, сэр.

– Мы рассматриваем вопрос о присвоении вам офицерского звания. Сигарету?

– Благодарю вас, сэр.

Неожиданная улыбка над шелкнувшей зажигалкой.

– Вам уже дали прозвище на нижней палубе?

Ответная улыбка, сияющая, но почтительная.

– Боюсь, что так, сэр. Это неизбежно.

– Ну да, как Пыльный Миллер или Стиляга Кларк.

– Вот именно, сэр.

– Ну и как вам служится?

– Можно сказать, терпимо, сэр.

– Нам нужны люди умные и образованные, но самое главное, с характером. Почему вы пошли на флот?

– Я считал, что должен... в общем, помочь, сэр. Ну, вы меня понимаете.

Пауза.

– Значит, вы были актером?

Осторожно:

– Так точно, сэр. Боюсь только, не слишком хорошим.

– Пробовали писать?

– Пока ничего особенного, сэр.

– Кем же вам хотелось быть?

– Понимаете, сэр, все это не то... не всерьез. То ли дело здесь! Чувствуешь, что занимаешься настоящим делом. Меня флотская жизнь привлекает.

Пауза.

– Почему вы хотите получить офицерское звание, Мартин?

– Простой матрос, сэр, это всего лишь крошечный винтик в машине. У офицера больше возможностей бить фрицев по-настоящему.

Пауза.

– Скажите, Мартин, вы пошли на флот добровольцем?

В бумагах все сказано, нет чтобы самому взглянуть.

Искренне, глядя в глаза:

– Сказать по правде, нет, сэр.

Невозможное лицо уроженца Дартмута покрывается смущенным румянцем.

– Мартин, вы свободны.

– Есть, сэр! Благодарю вас, сэр!

Лицо заливает краска, как у юной девицы.

– Она жена продюсера, парень. Ты соображаешь, куда лезешь?

Совсем крошечный французский словарь, похожий на огромный красный ластик.

Стершаяся позолота на черной лаковой шкатулке для денег.

Образ китайской шкатулки все время ускользал: не то резная коробочка из слоновой кости (внутри, одна в другой, еще несколько таких же), не то ящичек – вроде тех, где хранят деньги. При всей неуловимости в шкатулке крылось что-то важное и в то же время навязчивое.

Она жена продюсера. Толстая. Белая. Жирная белая личинка с черными глазками. Я бы тебя съел. Я бы сыграл Дэнни. С удовольствием. Я с радостью дала бы тебе роль. Как я могу тебе что-то дать, пока тебя не съем? Он гомик, он сам бы тебя съел. И я бы тебя с удовольствием съела. Ты не личность, моя прелесть, ты инструмент для получения удовольствия.

Китайская шкатулка.

Меч – это фаллос. Вот это шутка! Фаллос – это меч. Лежать, пес, лежать. Лежи смирно, знай свое место.

Он вскрикнул от неожиданности: перед глазами внезапно возник чей-то профиль. Голова одной из пернатых рептилий. Усевшись на каменной плите, тварь скосила на него блестящий глаз. От его крика широкие крылья забились, захлопали и унеслись прочь. В тот же миг синее небо и камень скрыла глянцевая картинка, яркое пятно: то ли восьмерка, лежащая на боку, то ли круг. В круге плескалось море, над которым кружили чайки – садились, покачивались на волнах, что-то клевали и дрались. Под ногами качнулась палуба, и на мостике воцарилась гнетущая тишина. В воде вдоль борта скользнуло нечто убогое, обесчещенное и неподвижное, служащее для удовлетворения дерущихся клювов.

Он выполз из расщелины на солнце и встал на ноги.

– Я проснулся!

Крик растаял в воздухе.

Глубокая синева с белыми пятнами и ослепительными солнечными бликами. Пышно взбитая пена вокруг Трех скал.

Прочь, ночные кошмары!

– Сегодня день размышлений.

Быстро раздевшись до брюк и свитера, он расправил одежду на солнце и спустился к «Красному льву». Вода стояла низко, и ракушек было хоть отбавляй.

Мидии вполне годились в пищу, но быстро надоедали. Мелькнула мысль, не набрать ли леденцов, но желудок решительно отверг ее. Вспомнилась крошка шоколада, оставшаяся в смятой блестящей фольге. Рот механически пережевывал мидии, а перед глазами на солнце ярко вспыхивало серебро.

– Может, меня сегодня спасут.

Повертев мысль в голове, он нашел, что она оставляет его безучастным, так же как и мидии – неприятные на вкус, как пресная вода в запруде. Он добрался до пещеры и заполз внутрь. Полоса красного осадка у края была около двух дюймов шириной.

Он крикнул в дыру, где жило эхо:

– Дождь еще будет!

Целостность личности.

– Нужно промерить лужу и установить норму. Надо придумать, как достать столько воды, сколько хочется. Нельзя остаться без воды.

Колодец. Пробить в скале. Собирать росу. Огородить глиной и соломой. Осадки. Образование. Разум.

Он попробовал пальцем воду. Рука погрузилась до костяшек, кончик пальца коснулся ила и тины. Дальше – камень. Он вздохнул. Дальше, под отверстием в крыше, лужа выглядела глубже.

– Дурак полез бы вперед и понапрасну расплескал воду, чтобы только лишь узнать, сколько еще осталось. Я сделаю иначе – дождусь, пока воды поубудет, и тогда посмотрю. А дождь пройдет еще раньше.

Он вернулся к одежде, достал фольгу и обрывок веревки и вскарабкался обратно к Гному.

– Восток или запад бесполезны. – Слова падали на промокательную бумагу и исчезали. – Если конвой появится оттуда, скалы ему так или иначе не миновать. Однако он может появиться с юга или, что менее вероятно, с севера... но солнце не светит с севера. Стало быть, делаем ставку на юг.

Он снял голову Гнома и осторожно положил на скалу. Стоя на коленях, разгладил фольгу, пока она не засияла, затем плотно прижал ее к голове и обмотал обрывком веревки. Поставил верхний камень на место, отошел к южному краю Наблюдательного поста и уставился в блестящее безглазое лицо, отражавшее солнечный свет. Он немного присел, согнув колени, чтобы взгляд был на уровне фольги, в которой все еще виднелся искаженный лик солнца. Не распрямляясь, он описал медленную дугу, насколько позволила южная оконечность Наблюдательного поста. Солнце не исчезало. Он снова снял с Гнома серебряную голову, и, до зеркального блеска отполировав фольгу гетрой, установил камень. Солнце подмигнуло золотым глазом. На вершине скалы стоял самый настоящий человек с мигающим сигналом на плечах.

– Меня спасут сегодня.

Чтобы придать своему бессмысленному утверждению силу и глубину, он попытался станцевать, однако, исполнив несколько движений, застыл с искаженным от боли лицом.

– Черт, ноги...

Он сел, прислонившись к Гному с южной стороны.

Сегодня день размышлений.

– Не так уж плохо получилось.

Лицо нахмурилось, изменив очертания свода над зрительным окошком.

– В идеале, конечно, камень должен иметь сферическую форму. Тогда, с какой бы стороны ни появился корабль, солнечные лучи, отраженные от Гнома, попадут в цель. Даже если корабль пройдет за линией горизонта, отблеск смогут разглядеть с марсовой площадки – он последует за судном и не отпустит, как рука закона на плече преступника, пока даже самый тупой из матросов не поймет, в чем дело.

Горизонт был по-прежнему пуст.

– Нужен шар. Может, удастся придать нужную форму с помощью другого камня? Стану еще и каменщиком. Кто это высекал пушечные ядра из камня? Микеланджело? Где бы найти камень покруглее... Ни минуты покоя. Прямо как в той комедии с Томми Хэндли!

Спустившись к морю, он заглянул за край маленького утеса с мидиями, но ничего подходящего не заметил. Среди зеленых водорослей на пути к Трем скалам лежала масса камней, но он направился к Панорамному утесу, спустился по уступам к низкой воде и увидел лишь пучки резко пахнущих водорослей. Утомленный спуском, он ненадолго завис над морем, обшаривая глазами изъеденную кораллами стену в поисках чего-нибудь стоящего. Лицо почти касалось розовой пленки, тонкой и блестящей, как глазурь на пирожных. Дальше розовая поверхность, словно поменяв настроение, становилась красновато-пурпурной.

Он провел пальцем по стене. На флоте такая краска называлась «румянец служанки». Неопытные руки матросов военного времени расходовали ее целыми галлонами. Считалось, что в самые опасные предрассветные часы корабль под таким камуфляжем сливается с морем и воздухом. Целые поля затвердевшей розовой краски наслоились по бортам, вокруг иллюминаторов, на козырьках орудий и даже в жилых помещениях всех кораблей Северного патруля

– совсем как розовая глазурь или коралловые поселения на рифах. Он поднял лицо от козуха бомбомета и, повернувшись, стал взбираться по трапу на мостик.

Должно быть, и в Треселлине повсюду этот цвет. Там-то Нат и взял ее – в обоих смыслах, да еще благодарил за подсказку.

Корабль сильно качало. Нат как раз спускался по верхнему трапу, осторожно переставляя длинные ноги, точно паук-сенокосец, и пытаясь удержать равновесие. Лицо и фуражка, внезапно возникшие впереди, представляли трудную проблему, но он героически разрешил ее, ухитрившись отдать честь и не упасть.

– Привет, Нат! Как служба? Все отлично?

В ответ – преданная улыбка, хотя и слегка болезненная. Бодрее, приятель.

– Так точно, сэр.

Давай, вали на корму, болван неуклюжий.

Наверх, наверх. Мостик, слабый ветерок, полдень.

– Эй! Средний курс ноль-девять-ноль. Идем зигзагом, сейчас заг, один-один-ноль. Держится мертво, не болтает по всему океану, как в конце твоей прошлой вахты. Принимай, только учти – старик не в духе, того и гляди искры полетят.

– Когда зиг? Через десять секунд? Вахту принял.

– Увидимся в полночь, час ведьм.

– Пятнадцать лево руля! Прямо руль! Так держать!

Он окинул взглядом суда конвоя и обернулся к корме. Нат стоял на своем обычном месте, широко расставив ноги и закрыв лицо руками. Палуба, покрытая пробковой массой, ходила ходуном, и он, примостившись на планшире, раскачивался вместе с ней. Окошко наблюдателя оскалилось в усмешке.

Зараза, как же я тебя ненавижу! Так и съел бы. Потому что ты проник в ее тайну, получил право задирать ее перелицованную твидовую юбочку. Вы вдвоем соорудили себе местечко, куда мне путь заказан. По своей идиотской невинности ты захватил то, что причиталось мне, – то, что я должен был заполучить или сойти с ума.

Он ненавидел Натаниэля не только из-за Мэри. Эту парочку свел вместе слепой случай – с таким же успехом Нат мог налететь на рым-болт. Но, кроме всего прочего, этот долговязый придурок мог сидеть вот так, раскачиваясь в такт с морем, на волоске от ужасного конца, болезненного и в то же время несущего облегчение, как лопнувший нарыв.

– Господи!

«Вильдебист» уже повернул. Опоздали.

– Тридцать право руля! Средний вперед, обе машины!

В точке, где сходились эсминцы охранения, отчаянно мигал сигнал.

– Прямо руль! Так держать! Малый вперед!

По трапу загремели шаги: капитан.

– Какого черта, что за игры?! Чем вы тут занимаетесь?

Торопливо и без запинки:

– Сэр, кажется, что-то по правому борту, похоже на обломки судна. Поэтому я и оставил прежний курс...

Капитан положил руку на козырек мостика и прищурился.

– Что за обломки?

– Подтопленные бревна, сэр.

– Наблюдатель справа!

– Да, сэр?

– Что-нибудь за бортом?

– Никак нет, сэр.

– Простите, сэр, я мог ошибиться, но решил проверить... на всякий случай.

Капитан протиснулся ближе, уставился в упор. Картинка в окошке ярко вспыхнула, руки судорожно вцепились в скалу. Широкое бледное лицо с морщинами, цепкий взгляд воспаленных глаз, отекавших от недосыпания и джина. Туманные очертания носа по бокам центрального поля уловили резкий сладковатый запах. Лицо за окошком преобразалось, медленно, постепенно. Изнутри, как у Ната. Под бледной кожей с влажными складками, в уголках рта и возле глаз еле заметно сдвигались мышцы, преобразуя сложную систему внутренних натяжений. На поверхность всплывало открытое, оскорбительное недоверие, смешанное с презрением.

Бледные губы раздвинулись:

– Продолжайте нести вахту.

Он смешался – ни ответить, ни отдать честь не успел, а лицо отвернулось, унося вниз по трапу понимание и презрение.

Жар, кровь стучит в висках.

– Сэр, сигнал от капитана Д.: «Куда спешишь, красотка?»

Деревянное лицо сигнальщика. Жар и кровь по эту сторону окошка.

– Доложите капитану.

– Есть, сэр.

Он повернулся к нактоузу.

– Пятнадцать лево руля! Прямо руль! Так держать!

Из-под руки было видно идущего Натаниэля. Отсюда он казался летучей мышью, свисающей вниз головой со свода пещеры. Долговязая фигура двинулась дальше, кренясь и покачиваясь, и скрылась в носовом кубрике.

Черт возьми! Сначала Мэри, теперь еще и презрение на лице старого пьянчуги. Вглядываясь поверх нактоуза в перевернутый мир, центр сферы плавал в океане эмоций – едких, темных, жестоких. Удивительно, что такой замечательный человек, как Нат, невольно внушающий любовь, с его лицом, меняющимся изнутри, искренним вдумчивым вниманием и готовностью любить, может быть, столь же сильно, до дрожи ненавидим, словно смертельный враг? Отчего любовь и ненависть составляют единое целое, сливаются в одно нераздельное чувство? Да и как их разделить? Ненависть есть ненависть – это кислота, разъедающий яд которой может вынести только тот, кто достаточно силен.

– Я умею ненавидеть.

Быстрый взгляд на вахтенного, потом на идущий рядом «Вильдебист». Перемена курса.

А что есть любовь? Горе, растворенное в ненависти, ядовитый раствор, обжигающий нутро.

Склонившись над нактоузом, он пробормотал:

– Будь я стеклянной фигуркой, плавал бы в бутылке с кислотой. Ничто бы меня не трогало.

– Тут все понятно. Она разрушила привычный стереотип, пришла вопреки всем законам жизни, поставила меня перед неразрешимой, невыносимой проблемой самого ее существования. С того момента меня и разъедает кислота. Я не могу даже убить ее, потому что это было бы ее окончательной победой, но пока она жива, огонь будет жечь. Она есть, во плоти. Эта плоть даже не прекрасна. Ни плоть, ни дух. Наваждение, а никакая не любовь. А если все-таки любовь, то в безумном сочетании с ревностью – к самому ее существованию. *Odi et amo*, «ненавижу и люблю», – вроде той книги, что я хотел написать.

Благопристойные кружевные занавески, между ними журнальный столик с пыльным папоротником. Нежилая гостиная. От круглого стола в центре пахнет полировкой. Сюда подошел бы гроб для прощания, но пока стол пустой. Безделушки, мягкие кресла, затхлый воздух, задержавшийся с прошлого года, с привкусом лака, как дешевый херес. Комната вполне по ней, это она и есть, во всех отношениях – если бы не наваждение.

Он взглянул в блокнот.

Зиг.

– Это еще далеко не все, а кислота жжет. Кто бы поверил, что он в нее влюбится, вернее, угодит в ловушку, расставленную парадной гостинной о двух ногах?

Он принялся мерить шагами мостик.

– Пока она жива, кислота не уйдет, ее не остановишь. А если убить, то станет еще хуже.

Он остановился. Оглянулся на корму и опустевший планшир.

– Господи! Двадцать право руля!

В каком-то смысле остановить можно. Ее или кислоту. Одно дело – просто не передать сообщение старшины Робертса, оставить все как есть. А если слегка подтолкнуть обстоятельства – не в том смысле, чтобы удавить или застрелить, а осторожно направить на нужный путь? В таком случае строгий моралист не расценит это как...

– И вообще, кому какое дело?

Все равно что проткнуть рапирой гобелен – без особой надежды на успех.

– Он, может, больше там и не сядет.

Отдает же вахтенный офицер по долгу службы приказ рулевому, чтобы не наскочить на обломки или дрейфующую мину.

– А если он сядет там снова...

Едкая кислота нахлынула, подступила к самому горлу. «Не хочу, чтобы он умирал!» – вопил голос где-то в глубине. Горе и ненависть рвали сердце на части.

– Никому меня не понять! – внезапно выкрикнул он.

С обоих бортов дружно обернулись наблюдатели. Он злобно оскалился, кровь снова ударила в лицо. В голосе прозвучала ярость:

– Делом займитесь!

Весь дрожа, он склонился над нактоузом.

– Я хочу одного – покоя.

Румянец служанки, и волосы еще грубее, чем у служанки. Он окинул взглядом уступы скалы.

– Покоя.

Стена, изъеденная кораллами.

Он помотал головой, словно отряхивая мокрые волосы.

– Зачем я здесь?

Вокруг лишь водоросли, скала и море.

Он вскарабкался на утес и пошел к «Красному льву». Там подобрал несколько оставшихся с утра мидий и поднялся по Хай-стрит на Наблюдательный пост. Присев с южной стороны подмигивающего Гнома, ножом вскрыл створки раковин. Он ел медленно, с долгими паузами между глотками. Покончив с последней мидией, откинулся назад и нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.